

Елизавета Дворецкая

УТРЕННИЙ ВСАДНИК

КНИГА ПЕРВАЯ. ЯНТАРНЫЕ ГЛАЗА ЛЕСА

Князя леса

Елизавета Дворецкая

**Утренний всадник. Книга
1: Янтарные глаза леса**

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Утренний всадник. Книга 1: Янтарные глаза леса /
Е. А. Дворецкая — «Автор», — (Князь леса)

ISBN 978-5-9717-0449-2

Княжич Светловой был так красив, добр и чистосердечен, что пришелся по нраву даже самой Леле, богине-весне. Но богиня не может любить, как смертная. С первым летним днем она покидает своего избранника, и почти год, до новой весны, ему предстоит ожидание встречи с ней. Госкующий по своей возлюбленной жених становится орудием в руках Велы, Хозяйки Подземной Воды. От нее Светловой научится тому, чего ему лучше бы и не знать: как задержать Лелю на земле, чтобы весна не сменялась летом.

ISBN 978-5-9717-0449-2

© Дворецкая Е. А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елизавета Дворецкая

Янтарные глаза леса

Пролог

В новолуние месяца листопада Светловую исполнилось семь лет, и жизнь его резко изменилась. Он был единственным ребенком речевинского князя Велемога. Надеясь на появление в будущем других детей, Велемог рассчитывал пока на одного Светлова и на нем одном сосредоточил все свои надежды. Высокий для своих лет, крепкий и сообразительный, живой и веселый, привязчивый и добрый, сын радовал сердца родителей. Лицом он походил на мать, голубоглазую княгиню Жизнеславу, и любил ее больше всех на свете. Но после новолуния, с которого ему пошел восьмой год, Светловую пришлось покинуть свою уютную горенку возле материнской спальни. Теперь ему отвели другую горницу, и вместо няньки с ним делил ее дядька-воспитатель Кремень, бывший сотник Велемоговой дружины.

Большая часть дня у мальчика теперь посвящалась занятиям. Кремень стал учить его понимать и чертить на восковой дощечке резы, деревянный меч сменился стальным и по-настоящему тяжелым, хотя и незаточенным. То, что раньше было увлекательной игрой, теперь стало трудной наукой.

Все дальше уходило теплое лето, а вместе с ним и память о приволье детства. Семилетний мальчик не мог полностью осознать важности и необратимости перемены, но наступающие холода стали для него стеной, отделившей беспечальное прошлое от настоящего, полного нелегких забот.

– Ничего не поделаешь, соколенок мой! – утешала его мать. – Ты князем родился, а князю не до забав, не до беготни пустой. Он все племя на плечах держит, обо всех думает, от имени всех с богами речи ведет. На отца посмотри – он все дни в делах проводит.

Светловой очень хотел быть похожим на отца и крепился, сдерживал тоскливое «не хочу-у!»», когда кормилец приходил за ним и уводил от матери к луку и стрелам или костяному писалу и восковой дощечке. Шагая вслед за Кремнем по гульбищу, Светловой отчаянно хмурился, стараясь сдержать слезы. Он уже не маленький, чтобы плакать!

– Привыкай, родной мой! – говорила ему княгиня Жизнеслава. – Вот исполнится тебе двенадцать – отец и в походы станет тебя брать, а в походах он по полугоду бывает, а то и больше. Придется тебе без меня обходиться.

Княгиня старалась говорить бодро, но Светловой угадывал грусть в ее глазах и в голосе. И сознание того, что матери тоже тяжело без сына, еще сильнее давило на сердце.

Каждое утро Светловой старался проснуться раньше Кременя, торопливо одевался – сам, как положено взрослому, – и тихонько пробирался к матери, чтобы первым разбудить ее и немного побыть с ней, рассказать, что видел во сне. Часто княгиня и Светловой вдвоем выходили на заре на забороло детинца, куда вел переход прямо с гульбища княжеских горниц, и с высоты смотрели, как Хорт вывозит на свод Среднего Неба солнечную колесницу. Но в земной мир шла осень, Среднее Небо все чаще бывало затянуто серыми тучами, и Дажьбожий белый свет едва-едва пробивался сквозь равномерно унылую пелену. И рассвет толком не успевал наступить, а уже скрипели плахи забороло под тяжестью шагов: Кремень шел за княжичем.

На забороле Светловой встретил первый снег. В пронзительно холодном утреннем воздухе летели белые крупинки, мелкие, легкие, еще чужие в желто-буром мире осени. На подставленной ладони они были почти неощутимы, но лицо покалывали невидимые холодные иголочки.

– Ой, мама, что это? – в недоумении спросил Светловой, глядя на свою ладонь, где мгновенно таяли белые крупинки, затем поднимая глаза к серому небосклону. – Неужели уже снег? Неужели зима? Почему так рано?

Ему казалось, что зима придет не скоро – ведь только что отшумели веселые жатвенные торги. Он еще не знал, что во взрослой жизни время идет быстрее и незаметнее.

– Да, вот уже и зима пришла, светик мой! – Княгиня Жизнеслава ласково положила руку ему на голову, погладила мягкие золотистые кудряшки. – А ты без шапки выскочил. Застудишься, пойдем-ка в палаты.

– Нет, нет, не пойдем! – Светловой вцепился в руку матери. Для него возвращение в терем связывалось с Кременем и мудреными науками. – Мне не холодно вовсе. Мама, ну зачем только зима бывает? Вовсе бы ее не было!

– Как же – не было бы! – Княгиня покачала головой. – Ты каждый день как набегаешься, так тебе спать хочется. Вот и земле-матушке, и Ладе Светлой, и Яриле, и Дажьбогу отдохнуть нужно. Для того и зима – сон земли и жизнетворящих богов.

– А откуда она берется?

– Посмотри туда. – Княгиня положила руку на плечо мальчику и показала на полночь. – Оттуда Зимерзла едет. Приглядишься получше и увидишь ее. Сани ее везут белые волки, в глазах у них льдинки сверкают, а из-под лап снег сыплется. Где они по небу пройдут, там по земле на санях ехать можно. Вот погоди – скоро кататься будем.

– А она какая, Зимерзла? – спросил Светловой, вглядываясь в серую пелену, затянувшую небо.

Белые крупинки снега садились ему на ресницы, лезли в глаза, мешали смотреть, и приходилось заслонять лицо ладонью. Голова и руки у Светловоя стали мерзнуть, но он не хотел в этом сознаваться. Невидимая старуха-зима была уже где-то поблизости, ее холодные цепкие пальцы проникали под кожух, щекотали, обрызгивая все тело зябкой дрожью, пощипывали нос и уши. А что еще будет в студен и просинец, когда на помощь Зимерзле придут ее сыновья Снеговолок и Костяник, свирепые зимние духи, способные застудить все живое насмерть!

– Она сама вся седая, в волосах ее метель прячется, в рукавах шубы снег родится, – рассказывала княгиня, прижав голову сына к своему боку и рукавами шубы укрывая его от падающих снежинок. – Сама она горбатая, злая, жадная. Ей бы весь белый свет снегом засыпать, все реки навек сковать, всех людей-зверей заморозить! Она самой Морене родная сестра. От них да еще от Мары и Морока вся тьма на земле, весь холод, болезни и смерть сама.

– А кабы не они – не было бы зимы? – приглушенно из-под материнского рукава спросил Светловоя. Теперь он почти ничего не видел, только кусочек серого неба, но не спешил высвободиться: так ему было хорошо и уютно под руками матери. – И смерти не было бы? Люди бы не умирали? Никогда-никогда?

– Видно, так, – согласилась княгиня. – Да только Зимерзла и Морена сильны. Никому еще их одолеть не удавалось.

– А я одолею! – воскликнул Светловоя и даже высунулся из-под теплого собольего рукава, чтобы посмотреть в лицо матери. Щеки его разругались от холода, на кончике розового носа повисла прозрачная капля, а голубые ясные глаза полны были отчаянной решимости. – Я одолею! Убью Зимерзлу, чтобы всегда лето было!

Княгиня Жизнеслава ласково усмехнулась и снова прижала голову сына к себе. Обняв мать обеими руками, Светловоя уже представил себе вечное лето, нескончаемое тепло, зелень лугов и лесов, теплый душистый ветер, радостную улыбку на лице у матери. Как это было бы хорошо!

– Вот вырасту, так и сделаю! – убежденно прошептал мальчик в мягкий шелк материнской шубы. – Пусть и боги слышат – сделаю!

И в мыслях он уже видел отважного могучего витязя, победителя самой Зимерзлы, и бесконечное лето – чтобы всегда играть, бегать на приволье и не знать забот. И этот витязь был он, Светловой, сын Велемога, и весь белый свет кланялся ему за то, что он прогнал из мира зиму и саму смерть.

– Вырастешь, да... – говорила княгиня, задумчиво лаская мягкие волосы сына. – Только в Сварожьих Садах вечное лето стоит. Там духи предков наших никакой беды не знают и о старости забыли – каждый там молод и весел. А земной удел человеческий иной. И никому от него не уйти.

– А я все равно сделаю! – упрямо воскликнул Светловой, выскользнул из-под рук матери и вскинул голову, разыскивая в небе фигуру седой старухи с метелистыми космами и злыми льдистыми глазами, словно хотел вызвать ее на бой прямо сейчас. – Вот стану я князем – прогоню Зимерзлу и Морену, чтоб близко они к нам подступиться не могли! Пусть боги слышат, а князь от своего слова не отступит!

– Ах, идем-ка домой! – обеспокоенно воскликнула княгиня и взяла сына за руку. – Застудишься ты здесь!

Княгиня Жизнеслава поспешно повела Светловую по заборолу к веже, где был переход на гульбище княжеских теремов. А снег все сыпал и сыпал с серого неба, мостил дорогу Зимерзле. Божество зимы вышло в путь к земному миру и готовилось утвердиться в своих правах, чтобы властвовать шесть долгих темных месяцев.

Глава 1

Время приближалось к полудню, и Светловой уже не раз вытер взмокший лоб рукавом. Месяц травень выдался таким ясным и жарким, как бывает не всякий червень. Наконец-то и в землю речевин, самого северного из говорлинских племен, пришла весна во всей своей красе и силе. Светловой расстегнул серебряную застежку на плече и стянул с плеч плащ, положил его перед седлом и заботливо закрепил булавку в кольце застежки, чтобы не потерять материнский подарок. Он ехал по высокому берегу Истира, позади него растянулись по берегу три десятка кметей его ближней дружины. Свежий ветерок овеивал лица, нес от близкого леса свежие запахи зелени, мокрой земли, напоминавшие, что еще не лето. И именно это напоминание о весне веселило сердце Светловой. Он любил весну, когда так легко дышится после зимней скуки, любил ожидание, когда все еще впереди: и долгие световые дни, и тепло, и цветы, и ягоды, и веселые праздники Ярилы, Купалы, Рожаниц. Зелень листвы, блеск воды Истира под солнцем, легкий шум ветра в листве, запах свежести, свойственный только весне! С каждым вздохом в грудь вливалась бодрая радость. Стоило поднять голову и окинуть взглядом светлый простор лесов и луговин, далеко видный с высокого берега, как где-то вдали мерещилась легкая девичья фигура, сотканная из радужных лучей, – сама Леля, богиня-Весна. И где пройдет она, там цветы цветут, куда взглянет, там птицы поют...

– Ох и хорошо! – глубоко дыша, приговаривал Скоромет – один из самых старших Светловоевых кметей.

Княжич с улыбкой покосился на товарища: прелесть весны проняла даже спокойного и деловитого десятника. Но тут же сам Скоромет все испортил.

– Вот ведь красота – жить бы да радоваться! – продолжал он, взмахнув сложенной плетью над ушами коня. – Да ведь нет – лезут, волчья стая, чтоб их громом разбило!

– А может, и не лезут вовсе! – крикнул сзади Взорец. Молодому и веселому парню особенно не хотелось покидать стольный город Славен перед самым началом весенних хороводов и ехать в даль и глушь, где от одного огнища до другого целый день пути. – Болтовня одна!

– А тебе коли лень, так сиди дома! – отрезал Преждан, хмуря густые черные брови. – Князю лучше знать.

Преждан был сыном воеводы Кременя; когда шесть лет назад двенадцатилетнего Светлова препоясали мечом, Преждан первым поклялся ему в верной службе. Сын, внук и правнук воинов, Преждан унаследовал неукротимый дух многих поколений и нередко жалел, что ему достался такой миролюбивый князь, как Велемог. Относительно спокойные походы за данью, редкие стычки с личивинами и дрёмичами на рубежах едва ли заслуживали названия военных походов, и Преждан с нетерпением ждал случая показать себя.

– Да, уж от дрёмичей нам ждать добра не приходится! – подтвердил Скоромет. – Да и от дебричей тоже.

– Ну, до них далеко! – Взорец махнул рукой.

– От дали не легче! – отозвался Скоромет. – Бешеной собаке и то не крюк! У дебричей в Чуроборе уж второй год князем оборотень сидит. Не слышал разве? А он свою дружину может в волков превратить, и за полдня они в какую хочешь даль добегут. Нам теперь не до веселья будет, так и запомни!

Взорец вздохнул с шутливой тоской: в его сердце звучали Ярилины песни, а разговоры о ратных делах шли мимо ушей. Светловой обернулся, поймал его взгляд и ободряюще улыбнулся. Ни в какие беды не верилось весной, под яркими лучами солнца, когда все вокруг цветет. Но князь Велемог не любил весну: как раз в месяц травень, когда дороги просохли от грязи, а на лугах выросло достаточно травы на корм коням, следовало ждать набегов. Племенн речевин не повезло с соседями: и дрёмичи, и заморянцы не упускали случая поживиться чужим

добром. Особенно много забот доставляли дрёмичи, жившие за Истиром, и каждый год князь Велемог посылал дружины в дозор вдоль реки. В последние шесть лет Светловой часто сопровождал в походах отца или воеводу Кременя, но этой весной он впервые возглавил дружину. Однако блеск и свежесть весеннего дня то и дело вытесняли из его мыслей воинские заботы.

Словно продолжая спор с Прежданом, Взорец затянул песню, услышанную ниже по Истиру.

Ржица-матушка колосилася,
Во ржи свинушка поросилася.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да все пестренькие,
Хвостики у них востренькие, —

соловьём заливался кметь, и Светловой улыбался, покачиваясь в седле. В эти дни, когда набираются сил ростки озимой ржи, по всему Истиру толпы нарядных мужчин и женщин, детей и девушек выходят в поля, несут жертвы Яриле и Ладе, волхвы заклинают урожай. Песни и угощенья провожали дружину Светловая по всему Истиру от самого Славена, и поход казался непрерывным праздником.

Словно подхватив песню Взорца, из-за перелеска впереди сквозь мягкий шум листвы слышались звонкие девичьи голоса:

Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Вокруг поля ходили,
Березки ставили,
Ярилу окликали!

За перелеском открылось широкое, неровное по очертаниям поле, покрытое невысокими, но отраднo густыми ростками ржи. На меже Светловой увидел пеструю стайку из полтора десятков девочек-подростков и девушек-невест – все в нарядных рубахах, с пестрыми лентами в косах, с почелками на головах, обтянутыми цветными тканями, с пестрыми бусами на груди. Они шли вокруг поля, а две из них несли впереди молоденькую свежесрубленную березку, украшенную лентами, увешанную бусами и браслетами.

Придерживая коня, Светловой залюбовался девушками; их румяные лица, блестящие глаза и веселые голоса возбуждали в нем радостное волнение. Видя их, он с необычайной остротой чувствовал, что она близко – Весна-Красна, пора света и радости, оживания земли и расцвета новой жизни.

Вдруг одна из девушек, несших березку, заметила всадника и вскрикнула:

– Ярила! Ярила к нам пришел!

Девушки мигом оборвали песню, остановились, сбились в тесную стайку. Деревце они опустили на землю, придерживая с двух сторон. Светловой даже не понял сразу, что это о нем, но на него были устремлены десятки взоров, полных трепетного восторга. Статный княжич с красивым ясным лицом, голубыми глазами и блестящими светло-золотистыми волосами, выющимися на концах, и правда походил на Ярилу, каким его рисует человеческое воображение, – самого молодого, самого прекрасного из богов, дающим новую жизнь полям и лесам, цветам и травам, птицам и зверям, роду человеческому. Он казался живым воплощением юной красоты и силы, солнечные лучи играли вокруг него, и создавалось впечатление, что он сам излучает этот свет.

Собравшись, что его приняли за призываемого на поля светлого бога, Светловой смутился и тронул коня. Стайка девушек дрогнула, но не двинулась с места.

– Пусть Макошь и Ярила пошлют плодородие вашим полям, благоденствие вашему роду, здоровье и красоту вам, девушки! – заговорил Светловой, подъезжая.

– Так ведь ты – Ярила! – воскликнула та девушка, что первой заметила его.

Она и сейчас стояла впереди всех, как воевода маленького девичьего войска. Румяные щеки, вздернутый нос, усыпанный веснушками, широкий улыбающийся рот – едва ли кто-нибудь назвал бы ее красавицей, но это лицо невозможно было представить хмурым или грустным. Казалось, девушка так и родилась с улыбкой и никогда не расстается с ней. Желтые, как у кошки, глаза ее блестели бойко и задорно, две рыжие косы спускались ниже пояса, тонкие ровные брови она подвела угольком, немножко гуще, чем следовало бы. Должно быть, от природы они тоже были рыжеватыми, а так хотелось походить на чернобровых красавиц! Разговаривая с князем, она придерживала наряженную березку. «Как сестренку за руку!» – мельком подумал Светловой и улыбнулся.

Кто-то из девушек засмеялся, кто-то смутился – они уже поняли свою ошибку, но улыбка красивого всадника подбодрила их.

– Не Ярила я! – ответил Светловой, чувствуя, что под настойчивым и задорным взглядом рыжей девицы невольно краснеет. – Человек я простой.

– Ничего не простой! – уверенно возразила рыжая, смущенная гораздо меньше его. – Ты – княжич славенский, Светловой. Я тебя прошлой осенью в становище видела!

– Княжич! Княжич! Верно! – зашебетали девушки, стали кланяться.

– А красивый какой, Лада Светлая! – ахнула она из них, и Светловой отвел глаза. Уже не первый год он ловил на себе восхищенные взгляды девушек, но до сих пор смущался и старался их не замечать.

– А чего же говоришь – Ярила, если знаешь меня? – спросил Светловой у желтоглазой.

От пристального, веселого, немного вызывающего взгляда ее задорных глаз в нем рождалось какое-то смутное, приятное беспокойство, по коже бегала теплая дрожь, делалось и неловко, и радостно.

– А чем не Ярила? – бойко ответила желтоглазая. – Князь ничуть не хуже. Окажи нам милость, княжич светлый, – поставь нашу березку!

Другие девушки тоже принялись просить, и Светловой не видел причин отказать. Княжеские роды ведут свое происхождение от богов, и недаром в недавние века князь одновременно являлся и верховным жрецом своего племени. В нынешние времена обязанности правителя и старшего волхва делили между собой разные люди, но князь по-прежнему принимал участие в священнодействиях важнейших годовых праздников. С его участием любой обряд приобретает втрое большую силу, любая жертва делается более угодна богам.

Сойдя с коня, Светловой поклонился березке, воплотившей в себе силу Лады и Лели, бережно взял ее за ствол и шагнул с ней в поле. Девушки пошли за ним, запели на ходу:

Где березки шли,
Там рожь густа,
Умолотиста, уколосиста:
С одного-то колоска
Умолотишь три мешка!

Желтоглазая пела громче всех и при этом за спиной Светловой подталкивала сестер, показывала глазами на княжича, делала какие-то знаки. Кмети, собравшись на краю поля, посмеивались, переглядывались, и многие догадывались, что сейчас произойдет.

Выйдя на середину поля, Светловой воткнул березку заостренным концом ствола в землю среди ростков, поднял руки и громко пожелал:

– Расти, береза, к лесу, а рожь – к овину! Как береза высока, так будь рожь высока, сколько в березе листочков, столько будь зерна в колосочках!

И едва он кончил речь, как все девушки разом набросились на него, повалили и стали катать по полю, со смехом и визгом выкрикивая:

– Будь рожь так высока! Так добра и красна! Так бела и густа!

Множество девичьих рук тормозили Светловоя, перекачивали его по холодной земле и свежим росткам, то и дело он ощущал на лице, на шее, на руках торопливый горячий поцелуй, но не успевал даже заметить чей. У потомка Сварога много силы, он всем поможет – и урожаю на поле, и счастьем девушек в замужестве.

Наконец новоявленного Ярилу выпустили. Он приподнялся и сел, жмуря глаза и держась за голову, стараясь опомниться. Земля и небо кружились, а вокруг раздавался задорный девичий смех. Светловоя тоже было смешно, он протирает глаза и пытался пригладить волосы, смеясь над самим собой. Хорош же он теперь, надо думать!

– Ай спасибо тебе, княжич! – услышал он над собой веселый голос желтоглазой. – Все соседи от зависти лопнут – у нас рожь будет гуще леса стоячего, выше облака ходячего!

– А ты не держишь ли обиды на нас? – виновато и ласково спросила другая девушка.

– Не держу! – Светловой наконец открыл глаза, нашел рыжую совсем рядом с собой и улыбнулся ей. – Ловки вы, красавицы! И самого Ярилу, если мимо поедет, поймаете!

– Поймаем! – уверенно подтвердила егоза, завлекаясь сверкнув на Светловоя глазами. – Пойдем-ка, угостим тебя!

Поднявшись с земли, княжич отряхнул рубаху и вслед за желтоглазой пошел к краю поля, где девушки оставили принесенное из дому угощение: яичницу в горшках, пироги, ржаные лепешки и блины. Усевшись общим кругом, они угощали кметей, бросали вверх ложки, приговаривая:

– Как ложка высоко летает, так бы высока рожь была!

Кмети тоже бросали ложки, глядя, у кого взлетела выше. Взорец опять пел свою песню про свинушку, чем сильно смешил девушек. Рыжая егоза сидела рядом со знатным гостем, сама угощала его, но не давала доесть ни одного куска, а все отбирала и бросала подальше в поле – Макоши и полевику. При этом она то и дело прикасалась к нему то плечом, то коленом, глаза ее смотрели лукаво и значительно, то ли с каким-то намеком, то ли с насмешкой, так что Светловоя было и неловко, и весело разом.

– Приезжайте на Ярилин день к нам! И на Купалу! – звали девушки, и его радовала мысль, что все еще впереди: и самая яркая часть весны с Ярилиными и купальскими хороводами, и теплое щедрое лето.

– А нет ли у вас тут косуль или оленей поблизости? – покончив с угощением, спросил у девушек Скоромет. Веселье весельем, но о насущных делах он никогда не забывал, чем приносил неоценимую пользу своему княжичу, который, честно говоря, был мало склонен о них думать.

– Как не быть? – тут же ответила рыжая, которая не пропускала мимо ушей ни одного слова и на всякий вопрос находила ответ. – У нас тут кабанов больше, а косули – у Перепелов. Вот как вверх поедете, – она махнула рукой вдоль течения Истира, – там у них на опушках косули стадами бродят, даже днем видали. Поезжайте туда, да только смотрите, – она опять сверкнула глазами на Светловоя, – дорогу назад не забудьте!

Поблагодарив за угощение, дружина двинулась вверх по берегу. Светловоя ехал первым, улыбался, вспоминая свое катанье по полю, даже посмеивался про себя. Эта встреча с девушками, задорные и влекущие взгляды желтоглазой егозы, – эх, имя спросить забыл! – наполнили его предчувствием чего-то светлого, горячего и радостного. Отъезжая все дальше, он мысленно

оставался там, на опушке, возле ржаного поля, рядом с рыжей Ладой, ждущей своего Ярилу и нашедшей его – в нем. Сотней звонких голосов в нем пела сама весна – пора света, радости и пробуждающейся любви.

* * *

Светловой не любил облавных охот: ему неприятен был шум, поднимаемый загонщиками, его ранило испуганное метание животных, объятых смертным страхом. Охотился он немного, только чтобы не потерять сноровку, и предпочитал искать зверя по следу или подстерегать у мест кормежки. Проезжая по берегу Истира, как советовали девушки Ольховиков, славенцы скоро заметили на прибрежных опушках следы косуль. Сюда лесные козы по ночам выходили кормиться.

Неспешно двигаясь по берегу, Светловой приглядывал подходящее место для укрытия, где можно устроиться на ночь и дожидаться удобного для лова рассветного часа. Как ни старался он думать об охоте, желтоглазая егоза как живая стояла перед его взором, ему мерещились ее зовущие взгляды, руки помнили ее прикосновения. Против воли Светловой уже мечтал о том, как поедет назад, – не заехать ли в гости? Все равно же надо где-то ночевать по дороге до Славена.

Вдруг он услышал какой-то шум, показавшийся странным. Встряхнувшись, Светловой прислушался. Из-за поворота реки неслись беспорядочные звуки, совсем не вязавшиеся с безмятежной радостью ясного весеннего дня. Звенело железо, раздавались ожесточенные крики, тяжелый скрип дерева, плеск воды. Светловой готов был поклясться, что слышит звуки битвы, но не мог в это поверить. Какая битва здесь, в мирной речевинской земле?

– Княжич, никак впереди бьются! – окликнул его Скоромет, ехавший чуть позади. На его лице отражалось тревожное недоумение, белесые брови хмурились.

– Быть не может! – ответил Светловой.

– Правда, княжич, и мы слышим! – подтвердил Взорец. Сейчас он уже не пел, его круглое румяное лицо стало серьезным. – Я тоже было уши протер...

– Не болтай! – оборвал его Скоромет. – Нашел когда скоморошничать! Что делать-то будем, княжич?

– Кончать болтать, да скорее туда! – горячо выкрикнул Преждан, всей душой стремясь скорее проверить, не послан ли богами долгожданный случай отличиться. – Затем и ехали!

Светловой молча кивнул, и Преждан первым устремился вперед. Сразу за поворотом берега их глазам открылась настоящая битва, кипевшая прямо на реке. Три ладьи со смолятическими турьими головами на носах были окружены множеством лодок и челноков, и люди из лодок стремились взобраться на ладьи. Течение Истира уже снесло их вниз и прибило к берегу; хозяева ладей упрямо оборонялись, но нападавших было больше. С муравьиной густотой и цепкостью они лезли и лезли со всех сторон, захватывали корму, пока хозяева защищали нос. Слышался звон оружия, треск ломающихся щитов и весел, скрип бортов, резкие крики, брань, стоны раненых.

– Купцы, что ли? Не наши! Смолятичи! – заговорили кмети.

– Так что же, стоять будем? Глядеть? – негодуяще воскликнул Преждан. – Княжич, дозволь! – взмолился он, уже держась за меч.

– Да кто же позволил торговых гостей обижать? – Светловой и сам возмущился, опомнившись от изумления. – У нас со смолятичами мир нерушимый. А ну!

При всей мягкости нрава его никто не мог упрекнуть в недостатке отваги, и Светловой, мгновенно собравшись с духом, выхватил меч. Приняв это за разрешение, Преждан с воинственным криком кинулся вниз по пологому берегу к тому месту, где прибило ближнюю ладью. Одним махом он одолел отделявшие его от места схватки два перестрела, взметая тучи брызг,

загнал коня по брюхо в воду и врубился в гущу битвы. За ним подоспели остальные во главе с самим Светловым. До сих пор ему не приходилось участвовать в настоящем бою, не приходилось убивать, но он твердо помнил уроки Кременя. Жажда подвига, жившая в нем с детства, преисполнила его силой и не оставляла места для робости.

Заметив новых противников, разбойники повернулись к ним, и крики изумления раздались над Истиром: вместо лица у каждого лиходея была личина вроде тех, в каких волхвы на новогодье обходят огнища: раскрашенные берестяные, с железными зубами в широкой пасти, сушеные овечьи, волчьи, козьи морды с рогами, выкрашенными красным. Опешив в первый миг, кмети Светлова едва не подались назад. Только пример смолятичей, продолжавших рубиться, ободрил их. На речном песке и в мелкой воде виднелись тела убитых, на которых были такие же личины. Обратни это или духи, но они смертны. Опомнившись от первого удивления, речвины снова кинулись в битву. Видя помощь, смолятичи удвоили усилия, стали одолевая и сбрасывать в воду тех, кто сумел забраться на лады. Кмети Светлова бились на берегу и в мелкой воде, встречая тех, кого смолятичи отгоняли от ладей.

Рубя мечом направо и налево, Светловым едва успевал оглядываться и совсем не думал об опасности. Незнакомое до сих пор ощущение, когда волна ярости несет на гребне и не оставляет места страху, захватила и опьянила его, он сам себе казался сильным, неутомимым, как витязи древности, и готов был рубить и рубить три дня и три ночи – как княжич Заревик в кощуне о битве со Змеем.

Вдруг кто-то обрушился на него сверху: один из разбойников прыгнул к нему на коня позади седла, обхватил Светлова сильными руками и попытался сбросить на землю. Светловым едва удержался, ударил назад локтем, попытался развернуться и достать противника мечом, но тот сдавил его, словно кузнечными клещами, и кинулся на землю, увлекая за собой. Рядом послышался яростный и тревожный вскрик Преждана, меч голубой молнией взметнулся над самой головой падающего Светлова. И тут же сжимавшие его клещи ослабели и разжались, над ухом его раздался сдавленный рык, и в голосе этом было что-то настолько чужое, почти нечеловеческое, что Светловым на миг поверил – это и правда оборотень. А его противник, спрятавший лицо за сушеной рысьей мордой, уже катился по земле, ярко-алая кровь из раны на бедре заливала песок. Обозленный нападением на княжича, Преждан пытался добить разбойника, но тот сумел откатиться за лежавшее поблизости мертвое тело, на которое и пришелся удар Преждана.

На прибрежной полосе виднелись тела убитых и раненых. Рослый, вооруженный тяжелой секирой «оборотень» с козлиной личиной на голове громким грубым голосом выкрикивал какие-то приказы, и все его соратники, прыгая с ладей и лодок в воду, стали отходить к лесу. Кмети гнались за ними, Светловым скакал за козлиномордым предводителем.

Уже почти догнав его, Светловым занес над ним меч, но противник резко обернулся и бросил в него обломок щита. Не успев уклониться, княжич едва не слетел с коня вторично: от щита после битвы остались всего-то две расхлябанные доски, но край с железными заклепками сильно ударил его в лоб. От удара Светловым покачнулся в седле, голову пронзила резкая боль, в глазах потемнело. Из всех сил вцепившись в поводья, он придержал коня и уже не видел, куда девался его противник. Горячая кровь хлынула из раны, залила глаза.

Разом навалилась такая усталость, что даже вздохнуть было трудно. Конь остановился. Светловым рукавом осторожно стирал кровь с лица, стараясь не задеть содранную кожу. В ушах звенело, перед глазами плыли огненные пятна, голова кружилась, и он почти лег на шею коня, опасаясь упасть.

Битва на берегу уже закончилась. Оставшиеся в живых лиходеи поспешно скрылись в лесу, славенские кмети пытались их преследовать, но от опушки вернулись: в лесу конному пешего не догнать. На берегу осталось с десятков раненых. Двух пришлось добить, но пятерых славенцы и смолятичи связали, наспех перевязав им раны, чтобы пленники не истекли кровью.

Нашлись раненые и в дружине Светловой, но без убитых, к счастью, обошлось, лишь несколько коней оказались потеряны.

Скоромет, озабоченно кусая губу, перевязывал голову княжича рукавом, оторванным от собственной нижней рубахи. Тот терпел, шепотом поторапливая кметя. Хотелось скорее разобраться в произошедшем. Едва дождавшись, пока перевязка закончится, Светловой снова поднялся в седло и поскакал к ладьям.

– Кто вы будете, добрые люди? – крикнул он, взглядом выискивая на ладьях старшего. – Вы из смолятических земель? Почему на вас напали?

– Нам бы самим кто рассказал, – ответили ему с ближней ладьи.

Первым заговорил мужчина, выделявшийся богатой одеждой и уверенной осанкой, выдававшей привычку повелевать. На вид ему было около пятидесяти лет, в темно-рыжей, как у большинства смолятичей, бороде светились белые нити седины, а голубоватые глаза, немного навывкате, холодно и твердо смотрели из-под тяжелых морщинистых век. Лицо это показалось Светловой смутно знакомым, но он никак не мог сообразить, где они могли встречаться. На торгу, что ли, видел как-нибудь?

– Мы плывем по торговым делам из Глиногора, держим путь к Славену, – продолжал купеческий старшина, перейдя по ладье ближе к Светловой. – Мы зла никому не сделали, врагов в земле речевинов не имеем. Князь наш Скородум со славенским князем Велемогом в мире живет, а до того отцы их жили. И уж верно князь Скородум не рад будет узнать, что смолятическим гостям по Истиру плавать небезопасно.

– Нет! – решительно ответил ему Светловой, подъехав к самой ладье, так что мог говорить с глиногорцем, не повышая голоса. – Князь Скородум такого не услышит. Когда камень станет плавать, а утиное перо тонуть, тогда Истир будет опасен для смолятических гостей и для всех добрых людей. Никто не смеет обвинять князя Велемога, что он не бережет покой в своей земле!

Старшина окинул Светлова внимательным и холодным взглядом, приподнял брови в показном недоверии. Светловой вдруг ощутил неприязнь к этому человеку, который был ему обязан, быть может, жизнью, и внезапно усомнился: а стоило ли кидаться в чужую битву и подставлять под клинки голову, не разобравшись? А если разбираться некогда?

– Кто ты такой, удалой витязь, чтобы говорить от имени князя Велемога? – спросил тем временем глиногорец. – В битве ты удал, сами видели, и за помощь мы тебе еще отплатим. Но не много ли ты на себя берешь?

– Не много! – Светловой выпрямился в седле, стараясь не хмуриться от дергающей боли на лбу под повязкой. – Я сын князя Велемога. И я могу сказать от имени отца: никогда мы не допустим, чтобы Истир стал опасен для мирных гостей!

Его собеседник помолчал, прежде чем ответить, пристальным взглядом обшарил лицо Светлова, словно искал что-то в его чертах.

– Вот оно что! – пробормотал он себе под нос. – Тогда прости мой вопрос, княжич Светловой, и прими еще раз мою благодарность! – громко сказал глиногорец. – Как буду в Славене, так князю Велемогу непременно скажу: сына он вырастил достойного. Ты позволишь нам плыть дальше?

Светловой хотел кивнуть, но не решился, боясь головокружения.

– Плывите, – стараясь скрыть боль и не кривиться, ответил он. – Ваши ладьи не сильно повреждены? В Лебедине вам помогут – вы скоро его увидите.

– Мы думаем ночевать в Лебедине, – сказал старшина и кивнул в сторону пятерых раненых лиходеев, лежавших на песке. – Не лучше ли тебе будет отдать нам пленных? Нам на ладьях легче их довести до князя Велемога. Они принадлежат тебе по праву, и я даю слово доставить их твоему отцу.

Светловой задумался ненадолго. Мало радости возиться с пленными, которые в придачу все имели тяжелые ранения и не смогли бы даже сидеть верхом, но отдавать их в чужие руки еще менее приятно. Это была первая битва и первый полон, взятый им, и хотелось довести дело до конца: самому привезти их домой и поставить перед грозным и взыскательным взором отца.

– Видал, какие проворные! – проворчал рядом Преждан. – Чужими руками...

– А больше им ничего не отдать? – осведомился Взорец.

– Спасибо за заботу! – ответил Светловой глиногорцу. – Мы сами взяли их и сами доведем до Славена.

Старшина помолчал, прежде чем продолжить разговор, и более ничем не выразил своего недовольства.

– А тебе не нужна ли помощь? – учтиво спросил он чуть погодя. – Ты ранен, а у меня есть умелый ведун.

– Нет, благодарю тебя, – ответил Светловой. – Назови мне твое имя, чтобы я знал, за кого получил эту рану.

Глиногорец снова помедлил, как будто прикидывал что-то про себя.

– Мое имя – Прочен, – ответил он наконец и добавил, пристально глядя на Светловую: – Прочен из Глиногора. Думаю, твой отец меня сразу вспомнит.

– Да ты, может, его раньше меня увидишь. Ну, сохрани вас Велес и Попутник!

Поправив пострадавшие в битве снасти, смолятичи двинулись вниз по Истиру. Кое-где в рядах весел заметны были промежутки: купеческая дружина потеряла несколько человек убитыми и ранеными, но все же ладьи могли плыть. Славенцы остались возле места битвы. Здесь же на песке валялись тела убитых разбойников.

– Закопать бы! Не лежать же им тут! Упырями расползутся, – переговаривались кмети. – И откуда только взялись оборотни-то эти?

Расторопный Скоромет уже послал на ближайшее огнище. Тем временем кмети пытались расспросить пленных, но те отмалчивались. Под сорванными личинами обнаружались обычные человеческие лица, угрюмые и замкнутые, ожесточенные поражением, перекошенные болью ран. Двое лежали без памяти.

– Ну, будешь отвечать? Кто такие? Говори, пока добром спрашивают! – требовал Скоромет. Ни оружие, ни одежда пленников, лишённые украшений и племенных знаков, не говорили о них ничего.

– Да чего с ним! – Преждан грубо толкнул одного из сидящих на земле лиходеев. Покачнувшись, тот злобно выбранился сквозь зубы.

– Дрёмич! – прислушавшись к его брани, с видом знатока определил Взорец. – Точно тебе говорю, дрёмич это. По говору слышно.

– А что вам говорили? – сурово сказал Скоромет. – Держимир дрёмический только и ищет, где что плохо лежит. Вот, грабить взялся! На нашей земле!

– Не на земле и не на нашей! – возразил Миломир, кивнув на широкое пространство Истира.

Здесь, в нижнем течении, Ствол Мирowego Дерева был так широк, что противоположный берег едва виднелся, и лес на нем рисовался неясной зеленой дымкой.

Но Миломира никто не услышал: дружина искала врага, и она его нашла.

– Ты погляди, собака! – Сжимая кулаки, Преждан остановился над одним из лежащих на песке разбойников.

Это оказался тот самый, что едва не погубил Светловую, сушеная рысья морда валялась рядом с ним. Руки его были связаны, из раны на бедре сочилась кровь, и на песке темнела уже порядочная лужа.

– Перевяжите хоть как, а то кровью истечет, – велел Светловой.

– Вот еще чего! – Преждан топтался на месте, еле сдерживая желание ударить пленника сапогом. – Да он же, гад ползучий, на тебя...

Разбойник лежал лицом вниз, и видны были только его черные волосы, заплетенные в косу длиной до лопаток. Услышав, что говорят о нем, он изогнулся, с трудом приподнялся, видно не желая встречать спиной ни брань, ни удары, повернулся к княжичу и сел. Это оказался даже не дрёмич, а выходец из каких-то совсем далеких земель – смуглый, с большими темными глазами и крупным, резко выдающимся вперед носом с горбинкой. Выглядел он лет на двадцать, на молодом лице застыло замкнутое и враждебное выражение, а боли своей раны он словно бы не замечал. Черные глаза смотрели на Светловоя с такой неприязнью, что княжичу стало не по себе. На него глядел тот самый «темный глаз», от которого предостерегают ворожеи. «Ну, убей меня!» – почти требовал этот яростный взгляд.

Светловый отвернулся. Впервые в жизни он столкнулся с настоящей враждой и смертью. Кровь на песке так не вписывалась в образ сияющего весеннего дня, что хотелось просить прощения у Лады и Лели, хотелось, чтобы вся эта битва оказалась дурным сном.

– Не трогайте их, – хмурясь, велел княжич. – Сейчас ничего не добьешься, да и мало чести – увечных бить. В Славен отвезем, там и потолкуем.

– Вот это верно! – одобрили кмети. – Пусть сам князь потолкует – с ним-то не больно поупрямишься.

День клонился к вечеру, приходилось думать о ночлеге. Ближайший княжеский городок, Лебедин, остался далеко позади, и до темноты успеть добраться до него не удастся. Несколько тропок, в разных местах спускавшихся к Истиру, говорили о том, что поблизости есть жильё. Оставалось ждать, когда придут люди из ближних родов, и надеяться на их гостеприимство.

Светловый сидел на песке, весь переполненный впечатлениями от своей первой битвы. Осознавая произошедшее, он испытывал все большее разочарование. Усталость затмевала гордость победы, рана на лбу горела огнем, голова болела все сильнее. Так вот как добывается ратная слава! Чему тут радоваться? Пятнам крови на песке? Забитым лошадям с распоротым брюхом? Пленным? Ненавидящий взгляд «черного», как прозвал его мысленно Светловый, все еще стоял у него перед глазами и давил, как камень на груди. Было неловко и горько, будто бы он сам привел в этот сияющий весенний мир Морену-Смерть и позволил ей торжествовать во владениях Лады и Лели. Да и отец что-то еще скажет? Наверняка ведь найдет, что сын что-нибудь сделал не так! Но думать об этом сейчас не хотелось: на душе было слишком тяжело, а в мыслях смутно.

Поднявшись, Светловый сделал несколько шагов: несмотря на головную боль, решил поискать подорожник. И еще хотелось чистой холодной воды. Кровь на лице засохла и стягивала кожу. Где-то неподалеку ему мерещился звон ручейка, и Светловый направился туда.

– Да куда ты? – обеспокоенно окликнул его Скоромет. – Сиди, найдем мы тебе подорожник! Вот, Вихреца пошлю, он хоть папоротников цвет тебе найдет!

– Нет, я воды хочу, прямо из родника!

Отмахнувшись от Скоромета, Светловый пошел вверх по Истиру. Песня родника заманчиво журчала в ушах, и он осматривал берег, жмурясь от боли во лбу.

Родничок нашелся перестрелах в трех от места битвы. Прозрачная струя впадала в Истир, вытекая из овражка на опушке леса. Светловый перешагнул через ручеек, встал на колени, нагнулся, зачерпнул ладонями воды и поднес их ко рту. И вдруг в глазах потемнело, в голову ударила такая сильная боль, что он без памяти упал лицом в воду.

* * *

Очнулся Светловый от нежных, ласкающих прикосновений к лицу. Почему-то представилась птичка, голубая, с нежно-розовыми и светло-зелеными перышками в крыльях; мере-

щилось, что она сидит на груди и поглаживает лоб и щеки пушистыми кончиками крылышек. Светловой не открывал глаз, боясь спугнуть ее. Голова его лежала как-то очень удобно и приятно – не на камне и не на земле. Рядом с собой он смутно ощущал чье-то присутствие, и ему было хорошо, как младенцу на руках у матери.

– ...как крепок бел-горюч камень, так крепок будь и ты, Воин Света, – слышался ему чей-то нежный голос. Временами он растворялся в мягком журчании воды, а потом опять выплывали слова: – Будь яснее солнышка красного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды. Как Истир чистый бежит-ярится, так пусть и кровь в тебе играет, беды и болезни прочь уносит...

Светловой слушал, не понимая и не стараясь даже понять, сон это или явь. А если все-таки сон, то он не желал просыпаться. Теплые нежные волны покачивали и несли его в светлую даль, словно дух уже вошел в вечно цветущий Сварожий Сад, и Светловой даже не удивился тому, что голос берегини называет его истинным именем – Воин Света.

Через некоторое время он достаточно опомнился, чтобы все же задать себе вопрос, на каком же он свете. Кто ласкает его – птичка, река, берегиня... или живой человек? Светловой приоткрыл глаза... и тут же зажмурился снова, ослепленный красотой склонившегося над ним девичьего лица. Но и с закрытыми глазами Светловой продолжал его видеть – ясные глаза, голубые, как весеннее небо, тонкие темные брови, красивые румяные губы, нежные щеки, золотистые волосы. Вокруг головы девушки разливалось сияние – или это солнце светило ей в спину?

– Очнулся! – весело приветствовал его нежный голос. – Сокол ты мой! Ну, поднимайся!

Светловой снова приоткрыл глаза. Ласковые, но крепкие руки помогли ему подняться, он сел, вцепился пальцами в траву и обернулся. Перед глазами все плыло, и он прижал ладонь к лицу, но и в это краткое мгновение успел заметить, что возле него сидит девушка небывалой красоты. Хотелось скорее разглядеть ее, и он с силой тер глаза ладонью, чтобы мир вокруг перестал кружиться.

Отчаянно боясь, что сладкое видение исчезнет, Светловой наконец открыл глаза. Девушка по-прежнему сидела на траве совсем рядом. Ее длинные светло-золотистые волосы, разделенные прямым пробором, не заплетенные в косу, не стесненные тесемкой или лентой, свободно спадали до самой земли. К заходящему солнцу она была обращена спиной, его красные лучи окружали всю ее фигуру, и от этого казалось, что она сама излучает розовый свет. Светловой смотрел ей в лицо и не мог насмотреться. Он забыл обо всем: о желтоглазой егозе с ржаного поля, о битве на реке и смолятических купцах, забыл даже, кто он сам такой и куда ехал.

Светловой чуть было не поднял руку – потрогать, не мерещится ли, – но вовремя опомнился.

– Ты кто такая? – спросил он у девушки.

Она ничего не ответила, только улыбнулась, склонив голову к плечу.

– Как тебя зовут? – снова спросил Светловой.

– Да как хочешь зови, – звонко ответила она. – У меня много имен. Кто я для тебя – то и имя будет.

– Ты – мечта моя! – горячо ответил Светловой. – Ты – мой свет белый, другого не знаю!

– Зови меня Белосветой, – посмеиваясь, сказала девушка. От ее улыбки Светловый переполняло такое яркое счастье, что он с трудом вникал в ее слова. – А тебя я знаю. Ты – Светловый, князя Велемога и княгини Жизнеславы сын. Я тебя давно видала... издали, вот ближе подойти не случалось. А сейчас сама не знаю, что со мной делается, – как увидела я тебя на берегу, так и захотелось в глаза тебе заглянуть.

Она говорила, а Светловый смотрел ей в лицо, не понимая, как раньше мог жить без нее. От девушки веяло то ласковым теплом, то прохладной свежестью. По ее стану пробегала

дрожь, как будто она зябла, и Светловой пожалел об оставленном где-то плаще, но она так ровно и ласково улыбалась, словно не замечала ни холода, ни этой дрожи.

– Где же ты живешь? – спросил он и сам не знал, чего ждать в ответ. – Кто твой отец?

Нелепо было думать, что это дочь смердов, – белые и нежные руки девушки вовек не знали тяжелой работы. Кожа ее казалась нежнее лебяжьего пуха, словно жаркое летнее солнце никогда не касалось ее своими лучами. Но и вообразить ее боярской дочерью, сидящей в тереме с рукоделием, тоже не получалось. Во всем ее облике просвечивало что-то настолько необычное, что Светловой терялся в догадках. Стоило взглянуть в узор, вышитый на белой рубашке, как цветы начинали дышать, качаться, как живые; вот они оторвали лепестки от полотна, подняли головки, налились красками. На девушке не было украшений, да и зачем – любые сокровища померкли бы рядом с ней. Такой совершенной красоты он не мог и вообразить. И чем дольше Светловой смотрел, тем больше росла эта красота в его глазах и вот уже заслоняли весь мир; уже казалось, что на свете и нет ничего, кроме этого сияющего лица.

– Где я живу? – повторила девушка, опять улыбнулась, склонив голову к плечу, будто задумалась. – Да здесь и живу! – Она подняла руки, как лебедь белые крылья, окинула взглядом берег, воды Истира, окрашенные багровым закатным пламенем. – Как придет срок, так я и здесь. Как выведет мой батюшка коня, как растворит матушка ворота, выпустит меня погулять во луга!

Она не то говорила, не то пела, в лад покачивая головой, поводя плечами, словно плясала, сидя на месте. Зачарованный, Светловой ничего не понимал из того, что она говорила, да почти и не слушал – зачем? Важнее смысла был звук ее голоса, улыбка, само то, что она есть на свете.

Белосвета вдруг опустила голову, по плечам ее снова пробежала дрожь, лицо помертвело, как от упавшей тени. Светловой подался к ней.

– Что с тобой? – тревожно спросил он и взял ее за руку. Тонкие пальцы девушки показались ему холодными, и он крепче сжал их, пытаясь согреть. – Тебе холодно?

– Сейчас еще холодно, – ответила Белосвета. Она говорила медленно, ее оживление мгновенно сменилось задумчивостью. Она словно забыла о Светловом, не замечала, что он держит ее руку в своей, а вглядывалась во что-то далекое. – Еще она близко... Оглянется – мне холодно...

– Кто она?

– Она... Старуха...

– Да какая старуха?

Белосвета внезапно вскинула глаза, и новый сноп голубых лучей ударил в лицо Светловую, так что у него захватило дух. Девушка казалась ему переменчивой, как тень облаков на бегущей воде, и тем сильнее ему хотелось узнать, кто она.

– Скоро Ярилин день! – быстрее заговорила Белосвета, и лицо ее снова прояснилось. – Тогда я буду хороша!

– Ты и сейчас лучше всех!

– Ты мне по сердцу пришелся, – продолжала она, ласково глядя на Светловую. – Лучше тебя нет. Даже теплее возле тебя. У тебя сердце горячее такое... И собой ты хорош, и сердцем добр, и смел. Я ведь все видела – и как тебя по полю катали, – она засмеялась, в глазах ее засияли искры веселья, – и как ты в битву кинулся. Я давно за тобой приглядываю. Всегда знала, что ты молодцом вырастешь, – так и вышло.

– Приглядываешь? – удивился Светловой. Как могли бы не заметить такую красавицу, если бы она жила где-нибудь в Славене или в окрестностях? – Как это ты давно знала – сколько же тебе лет?

Никто не дал бы Белосвете больше шестнадцати – как она могла «приглядывать» за тем, как он растет? Но девушка не ответила, а только улыбнулась, и от ее улыбки Светловой забыл, о чем спрашивал.

– Может, ты чародейка? – сообразил он.

В ней таилось что-то волшебное, этого нельзя было не заметить. Она как весенняя река, где под струйками прогретой солнцем воды проплывают прозрачные, не растаявшие еще тонкие льдинки... Ее пальцы, по-прежнему зажатые в руке Светловой, потептели, словно откуда-то из глубины прихлынул внутренний огонь.

– Может, и так. – Белосвета склонила голову набок, будто посмеиваясь. – А ты не боишься?

– Чего же бояться? – горячо ответил Светловой. Он боялся только одного – как бы эта встреча не оказалась сном. – Ты скажи: пойдешь замуж за меня?

– Замуж? – Девушка удивилась, потом улыбнулась с нежным лукавством. – Замуж?

Немного подумав, она вдруг расхохоталась, как будто услышала нечто неодолимо смешное и нелепое. Но Светловую не было смешно – он ждал ответа, чувствуя, что от этого зависит его жизнь. Узнав эту дивную красоту, он уже не представлял своей жизни без нее. Белосвета разом вошла в сердце, заполнила собой все и сама стала его сердцем.

– Не знаю, что и сказать тебе, – с лукавым сомнением ответила девушка, все еще посмеиваясь над какими-то своими мыслями. – Никто меня покуда замуж не звал.

– Так я зову!

– Зовешь... – Белосвета опять задумалась, склонила голову к плечу. – Ведь если я замуж пойду, это уже не я буду...

– Со всеми же так, – растерявшись, ответил Светловой. Каждая девушка, выходя замуж, теряет себя прежнюю и рождается заново, и не бывает ни одной, кто жалел бы об этом. – Так пойдешь?

– Не знаю, что и сказать, – с улыбкой повторила Белосвета. – У матушки спрошу. А теперь ступай, а то тебя товарищи обыскались.

Светловой поднял голову, огляделся, вспомнил об оставленных кметях. Казалось, весь этот день – ржаное поле, битва на реке – был когда-то очень давно, в другой жизни, в другом мире. И весь берег выглядел теперь не так, как прежде, и зелень стала ярче, цветы окрасились небывалыми красками и пахли слаще. Весь мир переменился. И ни единого звука человеческого голоса не долетало сюда. Как же она узнала, что его ищут?

Белосвета поднялась с травы, и Светловой поспешно вскочил тоже, не выпуская ее руки.

– Куда же ты? Когда же мы еще свидимся? – нетерпеливо спрашивал он.

– Свидимся? В Ярилин день я к вам в Ладину рощу приду, – пообещала Белосвета, отступая к лесу.

Не в силах выпустить ее руку, Светловой шагнул за ней. Белосвета улыбнулась, а потом подалась к нему, поцеловала и отскочила так быстро, что Светловой не успел ее удержать. А Белосвета легче птицы метнулась в сторону и мигом пропала из глаз, словно растворилась меж деревьев на другом берегу ручья.

Светловой остался стоять над ручьем, еще ощущая на лице тепло и нежность ее поцелуя, оглушенный, растерянный, так и не понявший, не приснилось ли ему это все. Тихо шумел на вечернем ветерке лес вокруг, ничто не намекало на присутствие человека. Светловой оторвал наконец взгляд от того места, где исчезла Белосвета, огляделся, не понимая, куда попал. Вспомнив, что переходил через ручей, он шагнул обратно и тут же услышал знакомые голоса кметей, звавших его.

Мир вокруг принял прежние очертания – обыкновенный весенний вечер, красный отсвет заката в воде Истира, чернеющие заросли по берегам. Разом потемнело – на другом берегу ручья казалось светлее, а здесь, пожалуй, уже начиналась ночь. Тянуло холодком, напоминающим, что еще не лето.

Словно проснувшись, глухо заняла рана на лбу. Светловой поднял руку, хотел поправить платок, которым его перевязал Скоромет, но полотно присохло, рана на лбу отозвалась горячей

болью. Значит, битва и рана ему не померещились. Долго же он лежал без памяти – совсем стемнело. Боже-Перуне, да один ли вечер прошел? Скажи ему сейчас кто-нибудь, что он провел на этой поляне целый месяц, Светловой не удивился бы.

Придерживаясь за ствол тонкой березки, он огляделся, чувствуя себя беспомощным, заблудившимся. Вокруг простирался пустой темный берег, что-то глухо шептала на лещащем языке опушка леса. Нет здесь никакой Белосветы и не было. Не может быть. Таких не бывает. Светловой нахмурился от нахлынувшего отчаяния. Не было ее, примерещилась. Но почему? За что ты со мной так, Лада Бела Лебедь? Подняв глаза к серому небу, Светловой то ли просил богиню, то ли упрекал – но небо молчало.

Впереди замелькали огни, послышались голоса. Светловой узнал Скоромета с горящей веткой в руке.

– Княжич! Ну, слава Перуну! – радостно закричал кметь и бросился к Светловой. – А мы тебя искали, искали! Где же ты был?

– Да здесь и был, – неуверенно ответил Светловой.

– Мы же тут проходили, искали тебя, – недоуменно отозвался Скоромет, но ломать голову над непонятным было не в его обычае, и он заторопился: – Пойдем-ка на ночь устраиваться, Ольховики здешние челом бьют, просят к себе.

В окружении обрадованных кметей Светловой пошел вверх по берегу. При всем желании он не смог бы им рассказать, что с ним случилось.

* * *

Еще издали, с берега Истира, во тьме блеснул огонь. Ольховики, уже знавшие о битве на реке, разожгли посреди двора костер и ждали княжича с распахнутыми воротами. Весенняя ночь пришла быстро, резко похолодало, и Светловой опять набросил на плечи теплый плащ. Его знобило – Скоромет сказал, что от потери крови. Пусть так. Но Светловую казалось, что разлука с Белосветой затемнила и выстудила для него весь мир. Тепло, свет, радость она унесла с собой, а без нее земной мир заполнили холод и тьма.

В этот вечер Светловой еще не знал, насколько прав.

На огнище Ольховиков его встретили суета и говор. Род жил небедно и мог без стыда принять даже княжескую дружину: между пятью большими избами виднелись конюшня, просторный хлев, откуда веяло теплым и густым коровьим духом, овин терпеливо поджидал нового урожая, а покуда там можно было разместить на ночлег хоть двадцать человек. Женщины и девки бегали через двор к беседе, стоявшей у самых ворот тына, таскали охапки сена, меховые и шерстяные одеяла, овчины. Пахло жареным мясом – видно, ради княжеского сына Ольховики не пожалели зарезать кабанчика.

Раненых уже перенесли в беседу и уложили. Войдя, Светловой сразу увидел девичью фигуру, стоявшую на коленях возле одного из его кметей.

– Терпи – воеводой будешь! – услышал он бодрый грудной голос, показавшийся знакомым. – Всего-то ничего, царапина, у нас даже малые ребята от таких не плачут.

– Так и я вроде пока слез не лью, – отозвался Миломир.

Он старался говорить спокойно, но дышал тяжело – у него была глубокая рана в предплечье. Разорванная почти пополам рубаха держалась на другом плече, а висящую лохмотьями левую сторону покрывали пятна темной, уже засохшей, крови. На груди поблескивал серебряный знак молота и чаши – знак Сварога, покровителя речевинов.

Рану Миломира перевязывала та самая желтоглазая девица, которую Светловой помнил по ржаному полю. Рядом с ней лежали полосы чистого полотна и стоял крошечный горшочек, разрисованный волнами – узором Велы и Велеса, помогающих врачеванию. Перевязывая, девица придерживала край полотна зубами, но и тогда не переставала что-то говорить.

– Ничего, сокол ясный, скоро заживет, крепче прежнего будешь! – приговаривала она, и голос ее звучал весело и задорно. Она не принимала всерьез кровь и боль, как будто сама никогда их не знала. – Ты хоть и боярич, а все роды человечьи из одной глины леплены, одним огнем обожжены! Как тебя звать?

– Миломир! – выдохнул кметь.

Веселый яркий огонь в очаге освещал лицо девушки, янтарный блеск ее желтых глаз и широко улыбающийся рот. Все это отвлекало, и боль отступала, словно раздосадованная непочтительно веселым голосом желтоглазой. От прикосновения ее быстрых пальцев тепло бежало по жилам, дышалось легче.

– О, Матушка Макошь, Улада-Благодетельница! Всему миру милый, а мне больше всех! Крепче дуба будь, а про злое забудь!

Кончив перевязывать, девушка неожиданно поцеловала Миломира прямо в губы и вскочила на ноги. Гордый боярский сын, не ждавший ничего подобного, покраснел и отвернулся в притворной досаде, на самом деле пряча усмешку. Ловкие руки и поцелуй не оставили его равнодушным.

– А, княжич светлый пожаловал! – радостно воскликнула желтоглазая, заметив Светловую. – А я тебе что говорила – поедешь назад, к нам заглядывай! Тебе-то не надо ли чем помочь? Ой, да как же не надо! – ответила она сама себе. – А лоб-то? Ну-ка, иди сюда, тут посветлее!

Несмотря на боль, Светловой не смог сдержать улыбки. Девушка так смело распоряжалась им, как будто не он, а она была княжьего рода. Светловую вспомнилась его старая нянька, вот так же звавшая его когда-то лечить содранные в детских играх коленки.

Девушка усадила его прямо на пол возле очага, где грелся на камнях горшок с чистой водой, поставила рядом маленький горшочек с темной мазью. Светловой послушно подставил ей голову, и она принялась распутывать платок.

– У кошки боли, у собаки боли, а у княжича светлого заживи! – совсем по-детски приговаривала она. В ней не было и десятой доли красоты Белосветы, но была какая-то особая жизненная сила, свежая и острая, как запах молодой липовой листы. Эта сила плескалась через край и переливалась в каждого, кто оказывался рядом, не убывая в ней самой. Лизнув ладонь, девушка приложила ее к ране Светловой. И боль, медленно угасавшая под ее руками, разом исчезла, словно задули огонек лучины. А девушка обмазала ранку темной мазью из своего горшочка – Светловой узнал запах девясила, – и принялась ловко обвязывать ему лоб чистым полотном.

– Заря-Денница, красная девица, выходи из злата терема, бери иглу серебряную, нитку шелковую, зашивай рану кровавую, запирай кровь горячую, – бормотала она, от усердия хмуря золотисто-рыжие брови. – Все, княжич светлый, как Заря на небо выйдет, так забудешь, где болело! – весело объявила девушка.

– Спасибо тебе! – ответил Светловой, не очень-то в это поверив, но испытывая благодарность за доброе пожелание.

Он ожидал, что девушка и это лечение завершит поцелуем, но она только задорно посмотрела на него и отошла.

– Меня поди полечи! – весело позвал Взорец.

– А у тебя-то что? – удивленно откликнулась девушка, мигом вскинув на него глаза, ярко блеснувшие янтарным светом.

– Сейчас поищу, авось найду чего! – Взорец, не получивший в битве даже царапины, под смех товарищей принялся хлопать себя по бокам.

В беседу вошла одна из женщин, с тремя караваемы хлеба в руках, за ней несколько девушек несли горшки и кринки.

– Да уйди ты, бесстыжая! – зашипела женщина на желтоглазую. – Смеянка! Хоть перед княжичем род не позорь!

– А я раны заговариваю! – не смутившись, ответила девушка.

– Зубы ты заговариваешь! – крикнула молодуха. – Не слушайте ее! Княжич светлый, прости, она у нас непутевая такая!

– А ты, пава величава, попробуй как я! – Смеяна горделиво уперла руки в бока и вскинула голову. – Под ноги гляди – спотыкнешься, нос разобьешь, муж любить не будет!

– При княжиче постыдись! Пошла вон отсюда! – Старик, приведший знатного гостя, замахнулся на девушку. Она ловко и привычно увернулась от подзатыльника, глянула на княжича, насмешливо фыркнула.

– Оставь ее! – крикнул Светловой. – Пусть свое дело делает!

– Дело! Делает! Вот наградила нас Макошь! – ворчала женщина, раскладывая караваи на столе. – Петь-плясать ловка, да не все девкам игрища!

Однако Смеяну оставили в покое, и она пошла к другому раненому. Перед тем как наклониться, она весело подмигнула Светловой. Попреки родичей скатывались с нее, как с гуся вода. Светловой невольно улыбнулся ей в ответ. Казалось, для нее не существует обиды и грусти – так, может, их и вовсе нет на свете?

Женщины уговаривали княжича подкрепиться, подносили то одно, то другое. Чтобы не обидеть хозяев, он поел немного хлеба со сметаной, но и за едой не отрывал глаз от Смеяны. Ее вздернутый нос пестрел веснушками, загорелые руки легко ворочали и подкидывали в очаг сучковатые поленья, на румяной щеке темнело пятнышко золы. Глядя на нее, Светловой вспоминал Белосвету и все сильнее убеждался, что та ему померещилась. Черты ее лица расплывались в его памяти, дрожали, как отражение в воде, помнилось только ощущение ослепительной красоты. Таких не бывает, живые девушки – они такие, как Смеяна. Обыкновенные, земные, но надежные в этой своей обыкновенности. Они не расцветят лес и реку сиянием радужных лучей, но и не исчезнут внезапно, оставив только тоску по небывалому...

Справившись со всеми перевязками, Смеяна собрала и свернула окровавленные лоскуты, потом присела рядом со Светловым.

– Ну что – не болит? – спросила она, лукаво поглядывая на него. От ее взгляда Светловую сделалось весело.

– Видно, крепкие ты слова знаешь – любую хворь прогоняют! – с благодарностью глядя на нее, ответил он.

Смеяна вдруг опустила глаза. Княжич был слишком хорош, слишком красив и приветлив, и рядом с ним она испытывала непривычное смущение, которое изо всех сил старалась скрыть. Чуть ли не впервые в жизни ей стало стыдно за свою потрепанную рубаху, грязные руки, разломаченные косы. Она украдкой попыталась пригладить волосы, но тут же опомнилась: красавицей ей все равно не стать. А княжич молчал, внимательно ее разглядывая, и это смущало Смеяну еще сильнее.

– Ну, что ты молчишь? – спросила она.

Светловой только вздохнул.

– Чего вздыхаешь?

– Сильно меня тот козлиномордый щитом в лоб угостил – мороки замучили!

Светловой попытался усмехнуться, но сияющее лицо Белосветы вдруг снова возникло перед ним, заслоняя нынешнюю собеседницу, и ему стало больно от мысли, что такая красота – только мечта. Наигранная бодрость отступала под натиском глупой тоски по тому, чего не было и не могло быть.

– Какие такие мороки? – Смеяна серьезно посмотрела на него, и без улыбки ее лицо со вздернутым носом и широким ртом показалось Светловую совсем некрасивым.

– Привиделась мне девица красоты небывалой, как сама берегиня, – со вздохом признался Светловой. – Будто на ручье пришла она ко мне и со мной говорила...

– Красоты небывалой? – переспросила Смеяна, стараясь подавить беспокойство и незнакомое, странное чувство ревности. – У нас хоть и девки не хуже других, но чтоб красоты небывалой, вроде не водится. На что она хоть похожа была? Что говорила? Откуда она?

– О чем... Не помню. – Светловой слегка повел плечом.

Он хорошо помнил звук голоса Белосветы, нежный и звонкий, проникающий прямо в сердце, но не мог вспомнить ни одного слова. Она говорила что-то такое странное, что он и тогда, на берегу возле ручья, ничего не понимал. Но в то время он этой странности не замечал. Так бывает во сне, когда совершаешь самые удивительные поступки и переживаешь самые необычные события, воспринимая все это как должное. А осознаешь, только когда проснешься.

Но есть некие случаи, когда человек наяву встречается с тем, что бывает только во сне. Когда навстречу к нему выходит сам Надвечный Мир...

– Может, это берегиня была? – задумчиво проговорил он.

– Макошь и Велес с тобой, княжич светлый! – Смеяна испугалась, хотя и попыталась сделать вид, будто шутит, и осенила лоб Светловая защитным знаком огня. – Какие тебе берегини – месяц травень на дворе. Раньше Ярилина дня не будет тебе берегинь. Да и после – не дай тебе Лада с ними встретиться! Ты собой хорош, как солнышко ясное, – уведут они тебя с собой, заморочат, и совсем про... Ну их совсем!

Светловой вздохнул.

– У нее волосы светлые, до колен, не меньше, щеки румяные, глаза как небо весеннее, брови темные. И лицо будто сияет – глаз не отвести. Ведь не может быть красоты такой... – промолвил он с тайной надеждой, что Смеяна возразит ему, вспомнит, что у них в окрестностях живет одна необыкновенная красавица, что, как в басни, из простого рода, а достойна стать женой князя.

– Красота неописучая – аж глаз режет... – пробормотала Смеяна, уронив руки на колени.

Это самое, только без всякой насмешки, она могла бы сказать о самом Светловом. Чем больше она смотрела на него, тем больше ее поражала безупречная красота его лица. Черные ровные брови ярко оттеняли голубизну глаз, в каждой его черточке, в каждом мягком волоске таился особый свет; Смеяне хотелось смотреть на него без конца, любоваться, как любят радугу в чистом голубом небе. Это как с земли смотреть в Сварожий Сад, на миг растворивший облачные ворота, восхищаться и знать, что тебе туда не войти. Князя Велеславичи ведут свой род от самого Сварога – чему же тут удивляться? И не ей, простой некрасивой девке, мечтать о нем.

И этой красоте угрожает опасность. Девушка, о которой княжич рассказывает, слишком хороша, чтобы быть живой и настоящей. Своим развитым чутьем Смеяна улавливала тонкий запах Надвечного Мира, оставшийся над Светловым, как след чьего-то прикосновения. Правда, что ли, берегиня какая-нибудь в земной мир явилась до срока? Им, веселым дочерям Дажьбога, только таких парней и подавай – чтоб и красив, и удал. Только губят они своих избранников, поиграют и бросят, а парни от их любви в двадцать лет стариками становятся, чахнут и умирают.

Смеяна вдруг разозлилась – появилась перед ними сейчас это чудо в перьях, уж она бы ей повыдергала золотые косы, повыдрала бы бесстыжие глазенки! Но Светловой смотрел на нее с таким ожиданием и надеждой, что сердце переворачивалось и хотелось немедленно достать ему его красотку, за хвост сдернуть с облаков – только бы ему было хорошо!

– У нас краше Верёны не найдешь, – пробормотала Смеяна и кивнула на одну из девушек, резавших сыры и хлеб у стола. – Вон она, Верёна, ты ее в поле видал.

Старшая из незамужних девушек рода Ольховиков и правда была хороша – статная, с пышной грудью, с двумя толстыми русыми косами, большими карими глазами под густыми и длинными черными ресницами. Белые опрятные рубахи покрывала затейливая вышивка, лента на голове сидела ловко, привески-заушницы поблескивали чищеным серебром. Одним словом, невеста всем на зависть.

– Почем невест отдаете? – спросил у старейшины Скоромет. Сидя у стола, он тоже любовался стройной и статной фигурой Верёны. Впрочем, самому десятнику невесты уже не требовались – дома в Славене ждали жена и трое малых ребят.

– Дорого! – горделиво ответил Варовит. – Наши невесты славятся, за ними издалека ездят. Да эта почти стговорена – на Купалу и свадьбу будем играть. Парень есть хороший у нее, Заревник, и близко – из Перепелов, чуть ниже по Истиру.

– А ты чего там засиделась? – Бабка Гладина заметила Смеяну возле княжича. – Чем сидеть, лучше ступай полон перевязывай! А то помрут у нас тут, чего доброго! Потом их, упырей, не выживешь! В клетки они. Ступай!

– Ступай, ступай! – подхватил вслед за женой и Варовит. Казалось, старейшина был рад спровадить внучку.

Смеяна неохотно поднялась:

– Княжич-то удал – большой полон взял! Сколько ж их у вас?

– Да восемь голов... – начал Скоромет и вдруг запнулся, виновато дернул себя за вихор на затылке. – Прости уж, княжич. Такое дело вышло... Пока мы тебя искали, один лиходей-то у нас сбежал. Вязать нечем было, да я думал, не уйдет, у него нога поранена.

– Помнишь, черный такой, как грач? На тебя еще прыгнул? – добавил Преждан. – Вот он и сбежал.

– Сохрани Свароже! – Варовит пальцем нарисовал у себя на груди знак огня. – Да он ведь у нас в лесу и будет бегать!

– Ой, страх-то какой! – насмешливо фыркнула Смеяна. – Это ему, что ли, полноги отрубили? Без ног не сильно побегает.

Варовит замахал на нее руками:

– Иди, иди! Без тебя обойдемся.

– Только гляди – лиходеям не скажи, что он сбежал! – поспешно предостерег ее Скоромет. – Я им сказал, что он помер. Нечего. А то и другим будет охота бегать...

А Смеяна вдруг нагнулась к Светловой и шепнула, горячим дыханием обдав ему щеку:

– Я тебе помогу! Я узнаю, кто тебе встретился!

– Чего ты там бормочешь, непутевая! Собралась, так ступай! Умеешь лечить – так лечи, хоть какая польза будет! – со всех сторон закричали на нее родичи.

Смеяна отскочила и исчезла за дверью. И все, от княжича до лежащего Миломира, проводили ее глазами. Она ушла, и в беседе как-то потемнело. Может, просто дрова прогорели.

– Что это она у вас... Не такая? – спросил Светловой у старейшины, когда за Смеяной закрылась дверь.

Он вдруг сообразил, что в Смеяне было «не такого»: все Ольховики русоволосы и кареглазы, а Смеяна со своими желтыми глазами и веснушками на вздернутом носу казалась среди них чужой.

– А! Наградили боги! – Варовит сразу понял его и махнул рукой. – Беда, а не девка! Ни прясть, ни ткать, ни шить! Все из рук валится! Сено ворошить, жать, полоть едва оглоблей загощишь! Зато из лесу не дозовешься. Грибы, ягоды, травы, корешки искать – она первая искусница. И ведь не знает ничего, а как собака – понюхает да выбирает. А спросишь, почему сия трава, а не другая, – не знает. Раны и хвори всякие заговаривать ловко – рукой иной раз по синяку проведет, и нет, будто не бывало. Кто с зубами мается – за двадцать верст к ней приезжают. Не поверишь – из Воронца один раз молодуху привезли. А по дому ничего делать

не хочет. Вроде не ленива – а и толку нет. Бабка ей невестино обручье дала только прошлой осенью, на девятнадцатом году, а то перед соседями стыдно. И как ее замуж отдавать – прямо и не знаем.

– Отчего же она такая?

– А она ведь не совсем наша. У нас в роду родилась, а кровь в ней неведомо чья. Мать ее к нам пришла уже тяжелой. Откуда пришла, почему от родни ушла – ничего не знаем. Она немая была. Пришла, да так и осталась. Прежний ведун, что еще до Творяна у нас жил, сказал, что зла в ней нету, мы ее и оставили. Она под Медвежий велик-день девчонку родила, а на другую зиму померла. А девчонка еще говорить не умела, а все смеялась. Так и называли Смеянкой. И по се поры все смеется.

Старик развел руками и вздохнул:

– Нравом не злая, веселая, бить вроде жалко. Ну да пусть ее! Она хоть и непутевая, а счастливая. Какую корову приласкает – у той молока вдвое.

Светловой осторожно потрогал повязку – не болело. В нем вдруг загорелась надежда, что Смеяна и впрямь выполнит свое обещание, узнает, кто такая Белосвета и где живет, и он с нетерпением посмотрел на дверь, будто каким-то чудом девушка могла вернуться прямо сразу же.

И вдруг сама Белосвета как живая встала перед ним. Закрыв глаза, Светловой чуть не задохнулся от восторга, снова видя ее сияющие черты, мягкий блеск ее волос, небесный свет в глазах. Он ощущал сладкий запах цветов, чувствовал ласкающие прикосновения ее тонких пальцев. Беседа, дым очага, желтый свет лучин, запах мяса – все пропало, ушло, растаяло. Светловой видел вокруг себя сияние теплого и свежего весеннего дня, и солнцем этого дня была она – девушка, прекрасная, как сама Весна.

* * *

Дождавшись, когда гости и хозяйева улягутся спать и огнище затихнет, Смеяна выскользнула из избы деда Добрени и неслышно метнулась к хлеву. Дверь скрипнула, но шагов девушки не было слышно. Кошка не могла бы пройти тише. И в темноте Смеяна видела не хуже кошки. Осторожно пробравшись вдоль стойла, где дышали восемь коров, она ступила на большую кучу сена в углу, встала на колени, потянулась, пошарила возле стены. Ее пальцы скоро наткнулись на чье-то мускулистое плечо.

– Брате! Даян! Проснись! – позвала Смеяна сначала шепотом, а потом и громче. – Ну, проснись, еще вся ночь впереди, успеешь отоспаться! Ну, ты слышишь!

Она с силой потрясла спящего за плечо, и он повернулся.

– Ну, чего тебе! – послышался из-под сена хриплый со сна голос. Молодой мужчина с сухими травинками в темных кудрях – точь-в-точь батюшка-овинник! – поднял голову и сел, моргая. – Ой! – вдруг воскликнул он. – Да у тебя в темноте глаза горят! Как у кошки!

– А ты только сейчас увидел? – Смеяна фыркнула и тихо засмеялась. – А я еще десять лет назад девчонок пугала по ночам. Подстерегу за углом или в сенях...

– Десять лет назад меня здесь не было! – Даян сел поудобнее и стал выбирать сухие травинки из волос и кудрявой короткой бородки. – Я еще у батюшки сухую ложку облизывал – восьмым после всех. Чего тебе надо-то? Или княжичу слишком много пирогов натащили, самому не съесть? Подмога требуется?

– Требуется! – подтвердила Смеяна. – Только не ему, а мне. Открой мне ворота.

– Да ты куда собралась? – удивился Даян. – Ночь на дворе!

– А был бы день, я бы тебя не звала, сама бы управилась, да я сама засова не подниму. И как обратно пойду – отвори.

– Что же мне, полночи сидеть под воротами тебя дожидаться? – Даяну вовсе не понравилась эта просьба. – Не лето! Там холод не хуже, чем зимой! Ты, девка, не дури! Тебе погулять надобно, а я тут...

– Ну, как знаешь! – перебила Смеяна и вскочила, не дослушав. – Обойдусь и без тебя! Только и ты, как тебе опять жена рожу расцарапает, без меня обходись!

Она подалась к двери, но Даян вдруг схватил ее за щиколотку. Смеяна вскрикнула от неожиданности, чуть не упала на него, но взмахнула руками и удержала равновесие.

– Тьфу ты! Леший кучерявый! Лягни тебя лягушка! – негромко, но с большим чувством бранилась Смеяна. – Чтоб тебя граблями да по лбу!

А Даян только смеялся в ответ.

– Да ладно тебе, уже и обиделась! – сказал он, когда Смеяна немного выдохлась. – Чего ты сегодня злая какая? Да разве я когда тебе в чем не помог? Надо, так пойдем.

– Так бы сразу и сказал... – обиженно проворчала Смеяна. – Нет, выделяется, как девка красная...

– На себя посмотри...

Даян выпустил ее и поднялся, стал отряхивать сено с одежды. Уже не в первый раз он, поссорившись с молодой женой, ночевал в хлеву. Как и Смеяна, он не родился среди Ольховиков, а вошел в род благодаря женитьбе на одной из здешних девушек, Синичке. Среди новых родичей он больше всех дружил со Смеяной. Оба они знали, что ими старики не гордятся, и это их сближало.

– Потихе ты! Всех перебудешь! – шипела Смеяна названому брату, пробираясь от хлева к воротам через двор. Собаки вопросительно подняли головы, но Смеяна махнула рукой, дескать, со мной ходить не надо, и те снова улеглись.

– А княжеские-то дозора не выставили? – прошептал Даян.

– Нет, я посмотрела. Спят все. Чего им дозоры ставить, не в чужой земле, чай.

Даян хмыкнул:

– Не в чужой, а кто же напал на них там, на реке?

– Это не на них напали, а на гостей торговых, глиногорских. Это город такой, Глиногор, в нем смолятический князь живет. Ты небось и не знал, голова дубовая, что такой город на белом свете есть!

– Ой, поглядите на нее! – Даян хлопнул себя по бокам. – Да ты сама еще утром ни про какой Глиногор не слыхала! А вещает, как Лесная баба премудрая, всем зверям мать! Кто же напал на твоих глиногорских?

– Ничего они не мои! А напал известно кто – дрёмичи из-за реки.

– Вот-вот! Пришли-то они из-за реки, да на нашей стороне и остались. Ведь не видел никто, чтобы они на свою сторону уплыли? Нет, а стало быть, до сих пор где-то по нашему лесу бродят, чтоб их лешие взяли. А ты туда собралась... Стой, ты собралась-то куда? – Вдруг сообразив, Даян крепко взял Смеяну за плечо. – Сдурела совсем? Куда пойдешь – упырям в зубы? Чего ты там забыла?

– А ну тебя! – Смеяна в своем лесу ничего не боялась и только отмахнулась. – За своей женой следи.

– Жена у меня тоже та еще ягодка, но в лес одна ночью не бегаешь. Нет, девка, ты подумай – а если встретишь их?

– Пусть они меня боятся. Открывай давай.

По опыту зная, что спорить с ней бесполезно, Даян больше не возражал. Нажав плечом на створку ворот, чтобы засов не стучал, он бесшумно поднял тяжелый брус и вынул из скобы.

– Ну, ступай, если самая умная! – шепнул он, дав створке отойти самую малость, чтобы не заскрипела. – Лешему от нас поклонись.

Смеяна неслышно метнулась в щель. Даян вдруг взял ее за плечо свободной рукой:

– А все же – куда собралась ночью-то?

– Нос прищмишь! – прошипела Смеяна.

– Э, да ты не к парню ли какому наладилась? – Даян вдруг нахмурился, осененный новой мыслью.

– А хотя бы! – ехидно ответил Смеяна.

– Э, так не пойдет... – начал было Даян, но Смеяна вдруг подалась к нему и укусила за нос. От неожиданности молодец охнул, а Смеяна отпихнула его от створки, выскользнула за ворота и мигом пропала во тьме. И шагов по траве не было слышно.

Даян осторожно оттянул на место створку, заложил дубовый засов в железную кованую скобу – свое же собственное изделие. При этом он презрительно фыркал, как будто Смеяна все еще могла его слышать. Усевшись на землю под тыном, он прислонился к бревнам спиной, потрогал свой нос, пожал плечами, усмехнулся, а потом вдруг вцепился зубами в рукав, чтобы не рассмеяться в голос.

* * *

Облака затянули луну, за тыном царила густая холодная тьма, но Смеяна хорошо знала дорогу. Миновав луговину и поле, по которому утром катали княжича, она вошла в лес, где тесно перемешались сосны, мелкие березки, разлапистые елки, ольховые заросли. Ни в какую темень, ни в какой чаще, даже совсем чужой, ей не случалось заблудиться. Старшие учили ребятшек определять дорогу по солнцу, по коре деревьев, по муравейникам, по лишайникам на стволах – да мало ли других способов? Много, и наука не всякому покажется легка, но без нее нельзя – пропадешь, будешь блуждать по лесу, как слепой. Но Смеяна не смогла бы толком рассказать, почему выбрала именно эту дорогу, не смотрела ни на мхи, ни на солнце. Она просто знала – туда. Ей казалось, что какие-то глаза смотрят на нее из чащи, зовут, раздвигают ветки. И она шла, доверяясь зовущему взору этих невидимых глаз, еще ни разу не обманувших.

Под горкой, возле ручья, стояла небольшая избушка. Крохотное окошко было изнутри задвинуто заслонкой, хозяева, очевидно, спали. Но Смеяна без стука толкнула дверь и шагнула через порог.

Навстречу ей мигнули два ярко-зеленых огонька. Черный кот, совершенно не видный в темноте, бросился под ноги Смеяне и стал об них тереться, выгибая спину и высоко задрал пушистый хвост.

– Какой леший тебя принес? – послышался из темноты хриловатый мужской голос. – Ни днем, ни ночью от тебя покою нет! Вот смотри – прикую тебя к прялке и не выпущу, пока...

– Да ладно тебе, дядька! – перебила Смеяна. – Не сердись. Тебе бы без меня скучно было. Другие-то к тебе по доброй воле не ходят.

– А мне и не надо никого... – проворчал голос.

В глубине избушки послышалось движение, скрип дерева, шарканье ног. Раздался глубокий вздох, словно сама темнота, разбуженная вторжением неугомонной Смеяны, втянула в грудь воздух, чтобы выдуть прочь виновницу беспокойства. Взметнулось облачко золы над очагом, из-под пепла мигнули красным непогасшие угли.

Смеяна бросилась на колени возле очага и принялась раздувать огонек. Избушка осветилась. Кот ходил вокруг девушки, терся боками о ее плечи. По другую сторону очага сидел на лавке рослый мужчина лет сорока, русобородый, с выпуклым высоким лбом, самого угрюмого вида. Впрочем, это не удивительно для человека, среди ночи разбуженного в собственном доме наглой захватчицей непонятно зачем.

– Ты все спишь! – с упреком сказала Смеяна, видя, что он морщится от яркого огня.

– А что еще ночью делать? Это ты, как полуночница, все бродишь! Тебя что, дед из дома выгнал? Давно пора.

– Ты хоть знаешь, что у нас сегодня на реке делалось?

– Как не знать! – с насмешкой сказал ведун, глянув на нее поверх низкого огня. – Ты ведь самого княжича в полон взяла.

– Да ну, ты скажешь – в полон взяла! – Смеяна хотела сказать это насмешливо, а получилось скорее жалобно. Она опасалась, что княжич взял в полон ее саму, и насмешка показалась не забавной, а горькой и обидной. – Ему бы самому побережться!

– А что так?

– Боюсь я, как бы его берегиня не заполонила.

– Берегиня? – Творян поднял брови, так что три глубокие продольные морщины на лбу уехали под самые волосы. – Да ты, рыжая, стала басни сказывать! Откуда же он ее взял в травень-то месяц? Я и то их еще не слышал.

– А я почему знаю? – с намеренной небрежностью отозвалась Смеяна. – Он про девку какую-то спрашивал, да так ее расписывал, что краше ее на всем свете нет.

– А тебе и завидно? – со снисходительной издевкой спросил ведун. – Не на тебя же ему смотреть, рыжую! Ты бы хоть кислым молоком умывалась, может, веснушек бы поменьше стало!

– А я так нечисти не боюсь! – вызывающе ответила Смеяна. Веснушки никого не красят, но она не хотела этого признавать. – Она пока будет мои веснушки считать, забудет, чем навредить хотела.

Ведун хмыкнул. Его забавляла Смеяна, которую ничем не удавалось смутить или озадачить.

– Ну так и что? Чего тебе было ночью бегать?

– Дядька Творян! – просительно заговорила девушка. – Поворожи на эту девку! Кто она, живая или морок?

– Дела мне мало! – возмутился Творян и даже отвернулся от Смеяны. – И ради этого ты мне спать не даешь? Ты смотри, девка! – грозно хмурясь, пригрозил он. – Я терплю, да вот возьму и превращу тебя в лягушку! Будешь у меня в горшочке сидеть да помалкивать!

– Жди! – дерзко крикнула Смеяна. – Я тебе тогда уснуть не дам! Всю ночь буду квакать!

– А вот не будешь!

– А вот буду! Буду, буду! – Смеяна замолотила кулаками по земляному полу, затрясла разлохмаченными косами. – Ты, дядька, со мной не ссорься! Ты лучше погадай – я сразу уймусь!

– Вот еще! Ради всякой блажи Надвечный Мир тревожить!

– Да ты не можешь! – с вызовом воскликнула Смеяна. – Не сумеешь тебе, вот и отпираешься!

– Мне не сумеешь? – закричал Творян, возмущенный ее дерзостью, и даже грохнул кулаком по лавке. – Да ты помнишь, с кем говоришь? Быть тебе лягушкой!

– Не сумеешь! – не слушая, кричала Смеяна. – Это тебе не телушку заблудшую искать! Не рыбу с лягушками пополам в сети манить! Позабыл давешнюю уху!

– Да ты... – свирепо начал Творян, взметнув брови и швыряя глазами молнии в отблесках пламени.

Мало кого не бросило бы в дрожь при виде гнева ведуна. А Смеяна вдруг задорно сощурила глаза и рассмеялась. И Творян остыл, словно устыдился шумной ссоры.

– Мужа тебе рябого! – от всего сердца пожелал он. – Плюнуть бы, да огня стыдно. А тебе зачем про эту девку знать?

– А любопытно! – ответила Смеяна, точно это было самое надежное основание. Она уже видела, что дело ее удалось и Творян согласен попробовать.

– Да как же я на княжича стану воровать? Был бы он сам здесь...

– Врешь, дядя, да не обманешь! – с торжеством ответила Смеяна. – Не надо его самого. У меня вот что есть.

Она извлекла из-за пазухи туго свернутый платок, которым Скоромет на берегу перевязывал лоб Светловой. На тонком белом полотне темнело засохшее пятно крови, к которому пристало несколько золотистых волосков.

– Чтoб тебя кикиморы щекотали! Вот сядет на шею полудянка, так узнаешь! – Ворча, как глухой дед, Творян встал и ушел в темный угол избушки. – Сама за водой пойдешь!

– Пойду, пойду! – примирительно отозвалась Смеяна. – Кринку давай.

– Сама возьми. Или забыла, где лежит?

Смеяна подхватила с полки в углу кринку из красной дебрической глины и мигом исчезла за темным порогом. Черный кот метнулся за ней. А Творян вернулся к очагу и снова сел, осторожно поставив рядом с собой на пол большую глиняную чашу с тремя маленькими круглыми ручками и широким горлом, вокруг которого шла полоса сложного узора. Полоса делилась на двенадцать частей, и в каждой был написан знак одного из двенадцати месяцев. Во всяком уважающем себя роду хранится, передаваемая от бабки к внучке или от деда к внуку, такая чаша, священный сосуд для гаданий и заклинаний, малое подобие Чаши Годового Круга, которой владеет сама Мать Макошь.

Смеяна с полной кринкой вернулась скоро – другой бы и светлым днем не обернулся к ручью и обратно так быстро, как она темной ночью. Не дожидаясь указаний, девушка перелила воду в чашу.

– Отойди! – буркнул Творян. – Не лезь под руку.

Не возражая, Смеяна послушно отошла в самый дальний угол и села там. Добившись своего, она стала удивительно тиха и послушна, для нее пришло время молча смотреть и ждать. К ворожбе у нее имелось способностей не больше, чем к рукоделию, и с ведуном она дружила вовсе не потому, что он готовил ее в преемницы, а просто из любопытства. Ее искусство врачевания опиралось не на мудрость, перенятую с учением, а все на то же лесное чутье: знаю, что надо делать так, а почему – не знаю. Она никогда не задумывалась, а почему, собственно, нелюдимый колдун, не общавшийся без нужды даже с родичами Ольховиками, терпит ее присутствие и выполняет ее просьбы. А Творян никогда и никому не признался бы в том, что присутствие Смеяны придает ему больше сил для ворожбы и обеспечивает успех любому обряду, гаданию или жертвоприношению.

Чародей не отрывал глаз от чаши, и казалось, сам его взгляд, тяжелый и осезаемый, успокаивал воду. Смеяна из своего угла смотрела, затаив дыхание. Она давно смирилась с тем, что никогда не научится ни пряхь как следует, ни ворожить, но чужое искусство восхищало ее и завораживало. Раз за разом она наблюдала ворожбу Творяна, напряженно вглядывалась в его лицо и действия рук, все пыталась поймать ускользающую тайну общения с Надвечным Миром. Иногда ей казалось, что тайна эта близка, вот-вот кто-то окликнет ее из-за Синей Межи, и голос этот будет понятен ей. Но чаще всего это случалось в лесу, когда она шла от избушки ведуна домой. Песни леса радовали ее, но она не сумела бы перевести их на понятный людям язык и заставить послужить всему роду. А значит, какой в них толк? А никакого, баловство одно.

– Вода темна, Бездна глубока, – глухо забормотал Творян. Его заклятия были просты, но в каждое слово он вкладывал огромную, непостижимую и неодолимую силу. – Огонь ярок, уголь жарок.

С этими словами он прямо рукой взял с очага пылающий уголек и опустил его в темную воду. Уголек яростно зашипел и погас, канул во тьму. Так искры Огня-Сварожича пропадали в Бездне перед началом мира – в те безначальные времена, когда Сварожьим Молотом не был еще создан Белый Свет.

– Уголь проглоти, мне тьму освети, – бормотал Творян. Глаза его выпучились, взор застыл.

Смеяна почти перестала дышать, крепко прижимая к себе черного кота. Выйдет, не выйдет? Вода в чаше начала бурлить, сначала тихо и медленно, потом быстрее. Над широким горлом поднимался легкий пар. Вдруг в прозрачных клубах мелькнуло что-то живое. Вода успокоилась. Из глубины чаши показалась голова огромной черной жабы. Круглые, ярко-желтые глаза жабы смотрели прямо в глаза Творяну.

– Вела-матушка! – глухо, почти не разжимая губ, забормотал ведун. – Хозяйка Волны! Покажи мне путь Светловоя, сына Велемога.

Медленно подняв руку, он бросил в чашу тонкий светлый волос. Голова жабы тихо погрузилась в воду и исчезла.

Поверхность затуманилась и засеребрилась, как тонкий гладкий лед. Потом на ней возникла та полянка возле Бычьего ручья. Склоняясь над чашей, Творян увидел княжича Светловоя, а рядом с ним... Мелькнул вроде бы неясный девичий силуэт и тут же пропал, растаял, как морок, каковым, собственно, и являлся... Нет, это не девушка. Это вообще не человек и даже не берегиня. Над травой рядом с сидящим Светловоем парило облачко полупрозрачного золотистого света, полное радужных переливов. Смотреть на него было нестерпимо больно. Творян отшатнулся от чаши, жмурясь и прижав к глазам ладонь. Разглядеть он ничего не успел, но успел понять, что разглядывать там и нечего.

Смеяна молча ждала, не решаясь задать вопрос. Наконец ведун крепко потер лоб, словно хотел разглядеть глубоко врезанные продольные морщины, провел ладонью по бороде, в которой наверняка теперь появятся новые седые волоски. Общение с Надвечным Миром не проходит даром. Юный княжич, спящий на огнище Ольховиков и видящий со сне свою любовь, сам еще не знает, какие огромные силы протянули к нему руки.

– Ну, что там? – наконец шепнула Смеяна и подошла поближе. – Ну, что ты молчишь? – с тревогой спросила она. – Я ему обещала узнать, что за девица ему встретилась. Что я ему скажу? Что ты видел?

– Ничего я не видел! – решительно отрезал Творян, и Смеяна с изумлением поняла, что он лжет.

Ведун не поднимал на нее глаз, а Смеяна потрясенно хлопала рыжими ресницами. Что же такое он увидел, если даже рассказать не хочет?

– Ничего я не видел! – с напором повторил Творян в ответ на ее молчаливое недоверие. – Так и ему скажешь. Не было никакой девки. Померещилось ему! Сперва по лбу щитом ударили, потом вода холодная – еще и не то привидится! Отлежится – пройдет! Поняла?

Ведун бросил на Смеяну хмурый взгляд исподлобья. Он понимал, что не проведет ее, он стыдился этой лжи, но он твердо держался правила не вмешиваться в дела Надвечного Мира, недоступные его разумению. А это как раз и было такое дело.

– Ну, да! – неуверенно согласилась Смеяна.

В общем, это объяснение ее устраивало. Примерещилось! Не было никакой девки! Никакой! И слава Ладе Белой Лебеди! Нам никого и не надо! Мы и сами хороши!

– Да ты на княжича-то глаза не пяль! – бросил Творян, пристально наблюдавший за ее лицом, на котором легко читал все эти мысли. – Не по тебе дерево, и голову дурью не забивай!

– Да я не... – с горячим возмущением начала Смеяна.

– Ври больше! – грубо перебил ее Творян, и она замолчала: в пронизательности ведун ей не уступал. – И думать не смей! Лучше вышивать учись, да вышей рубаху берегиням, да повесь в Ярилин день на березу, да попроси себе личика поприглядней, да жениха доброго...

– Да ну тебя! – Смеяна небрежно отмахнулась. Такое она слышала не в первый раз.

– Чего «да ну»! Замуж выйдешь, будешь как все...

– Да где уж мне! – Довольная Смеяна вскочила на ноги и повернулась, притоптывая, подражая хороводным пляскам: – Я еще похожу, себе ладу погляжу!

Творян безнадежно махнул рукой и отвернулся. Переделывать Смеяну было еще более безнадежным занятием, чем ключевой водой отмывать с лица веснушки.

* * *

Утром Светловой проснулся от шума шагов и голосов. Насмешливый и ласковый женский голос приговаривал и напевал что-то, вытягивал его из сладкого сна, полного радужного сияния. Приподняв ресницы, он увидел гибкую, по-кошачьи ловкую девичью фигуру в небеленой рубахе, скользившую по клетке, склонявшуюся то к одному из кметей, то к другому. Светловой сел на лежанку и сразу встретил взгляд Смеяны. Она подошла и присела рядом. В ее желтых глазах прыгали задорные искры, в чертах лица дрожал смех, каждое движение дышало бодростью, и он вдруг ощутил прилив сил, как будто глотнул живой воды.

– Как спал, княжич светлый? – весело спросила девушка. – Дай-ка я развяжу!

Светловой подставил ей голову и приготовился терпеть, когда она будет отрывать присохшее к ране полотно. И вдруг Смеяна бросила ему на колени повязку с несколькими темными пятнами. Подняв руку, он осторожно провел пальцами по лбу. Там, где вчера была глубокая рваная царапина, сегодня оказался тонкий шрам над бровью, гладкий, как будто после ранения прошел не один месяц.

– Да как же так? – изумился Светловой и поднял глаза на Смеяну.

А она расхохоталась, словно сама подстроила что-то забавное:

– А я-то тебе что говорила? Как заря на небо выйдет – забудешь, где болело!

– Да у тебя руки золотые!

– Что ты говоришь? – В притворном изумлении Смеяна протянула к нему свои загрубевшие ладони и повертела их, вытаращив глаза и пытаясь разглядеть на них хоть немного золота.

А Светловою вспомнились руки Белосветы, нежные и белые, как лебединый пух. Улыбка исчезла с его лица, и он вопросительно взглянул на Смеяну.

– Ну что – узнала? – вполголоса спросил он.

Сегодня, по прошествии ночи, вчерашняя встреча казалась сном, и все же сердце замерло в ожидании ответа. В душе билась сумасшедшая надежда – а вдруг Белосвета все же не привиделась ему? Он знал, что этого не может быть, но ничего не мог с собой поделать – после встречи с Белосветой в душе образовался словно остров, над которым разум был не властен, и против воли он верил, что она все же есть на свете, эта волшебная красота. С ней весь мир изменится, станет богаче и мудрее, золотой Сварожий Сад приблизится к земле...

Смеяна вздохнула. Зря все-таки она ввязалась в это дело, поддалась глупому порыву помочь – на свою голову!

– Узнала, – шепнула она и отвела глаза, потом снова вздохнула, собираясь с духом. Лгать для Смеяны было то же самое, что ходить на руках. Но Творян же сказал, и не ей выше ведуна тянуться. – Узнала, что морок тебя одолел, княжич светлый. Ведун в чаше ворожил – не видел никого. Морок один.

Светловой опустил глаза, стараясь скрыть тоску разочарования. Не было ее, Белосветы. Мир погас для него, словно из него ушла радуга или заря. А он чего хотел – красавицу лучше самой богини Лели? Не бывает таких... Но как ни старался Светловой благоразумием обуздать тоску, душу заполнила тьма, как будто у него отняли самое дорогое. А на маленьком острове в душе по-прежнему сияла радуга, и суровое «не было» над ним не имело власти.

Женщины звали кметей умываться, принесли полотенца, девушки уже раскладывали на столе еду.

– Смеянка! – крикнула одна из женщин. – Что ты опять к княжичу прилипла? Иди сюда!

Девушка отскочила от Светловой и бросилась на зов. Она радовалась, что трудная беседа осталась позади, и понимала, что княжичу сейчас лучше побыть одному.

Как же, дадут тут поразмыслить спокойно!

– Ну что, княжич светлый, прикажешь коней седлать? – раздался голос Скоромета.

Светловой поднял глаза: десятник стоял рядом с ним одетый и перепоясанный, с шапкой на голове, готовый в дорогу.

– Куда? – не сразу взяв в толк, спросил Светловой.

– Да за лиходеями теми, – пояснил Скоромет. – Или ты хотел сперва в Славен вернуться? В общем, тоже дело – раненых отвезем, а то и еще людей возьмем. Да только как бы они тем временем не натворили чего...

– Ты уж нас не оставь, княжич, выведи их из наших мест! – поклонясь, подхватил Варовит. – Что же, так и будут дрёмичи по нашим лесам разбойничать?

– Ах да! – спохватился Светловой и погладил шрам на лбу.

То ли из-за девушек, то ли из-за раны, но он забыл о самом главном: о необходимости покончить с разбойничьей ватагой. Светловую стало стыдно, что он забыл такую важную вещь. Вскочив, он стал торопливо затягивать пояс, краснея при мысли, что сказал бы отец, узнай он о такой промашке сына. Прогоняя прочь тоску, Светловой старался сосредоточиться на деле, привести мысли в порядок.

– Я вам мужиков и парней кое-кого в провожатые дам! – обрадованно говорил Варовит. – Покажут вам и тропы, и броды.

– А полон куда будем девать? – спросил Скоромет.

Светловой вопросительно посмотрел на Варовита. Везти с собой по лесу раненых дрёмичей не хотелось. Но старейшина решительно замотал головой.

– Нет, княжич светлый, ты их полонил, ты и держи. А ну как лиходеи за своими вернуться? Спят мне все жилье, весь род перебьют. Нет уж, не гневайся!

– Да где ты видел, чтобы лиходеи за своими возвращались? – спросил Скоромет, которому очень не хотелось таскать с собой такую обузу. – Там же одни изгои, без роду без племени, им бы свою шкуру спасти!

Но Варовит непреклонно качал головой:

– Я про их порядки знать ничего не знаю, а у меня род на плечах – свое и берегу!

– С собой возьмем, ничего! – сказал Преждан. – Сохраннее будут.

Провожаемые поклонами и благими пожеланиями хозяев, Светловой и его дружина выехали с огнища. Впереди скакали четверо мужчин-Ольховиков, посланных Варовитом в проводники. На крепкой гнедой кобыле ехал широкогрудый парень лет шестнадцати, а за его спиной устроилась Смеяна.

– Лесовицу свою вам даем! – усмехаясь в бороду, сказал старейшина. – Лучше нее никто в лесу дороги не сыщет!

Поглядывая на загорелые крепкие ноги Смеяны, видные из-под подола рубахи, кмети поддразнивали ее, перебрасывались шуточками, на что она отвечала тем же, задорно и без смущения улыбаясь всем подряд. Только Скоромет хмурился: похоже, эта рыжая егоза любой поход способна превратить в купальское игрище.

* * *

Нетрудно было догадаться, что дрёмические лиходеи, собравшись уходить через Истир на свою землю, неминуемо выйдут к берегу. Разделившись на две половины, дружина Светловой направилась от Бычьего ручья вверх и вниз по течению. Смеяна ехала с той половиной, которую возглавлял сам Светловой, и первой заметила на прибрежном песке отпечатки множества ног.

Спешившись, славенцы осмотрели берег. Несомненно, около двух десятков человек побывало здесь ночью: песок покрывали следы, темнело несколько подсохших пятен крови. Должно быть, здесь перевязывались те, кто был ранен легко и смог уйти на своих ногах.

Заметив на песке отпечатки днища сначала одной лодки, потом другой, Светловой вздохнул с досадой. И как он вчера не подумал! После битвы на реке никому не пришло в голову собрать лодки дремичей, в которых они нападали на смолятинские ладьи, и ничто не помешало тем спокойно уплыть ночью.

– Точно, уже там! – говорил Взорец, заслоняясь ладонью от солнца и вглядываясь в противоположный берег. – Вон там два челнока.

Скоромет тяжело вздохнул, и вздох его был красноречивей целой кощуны. Князь Велемог их не похвалит: благополучный уход разбойничьей ватаги значительно обесценивал вчерашнюю победу. И не обещал ближним речевинским родам спокойствия в будущем: разбитые вчера, лиходеи могут вернуться завтра.

– Ну что, надо домой поворачивать! – с деланной бодростью сказал Миломир, подводя бесславный итог, и вопросительно посмотрел на Светлова: – Прикажи трубить: позовем Преждана, да и к Славену...

Светловой молча кивнул: на душе у него было пасмурно, но иных предложений не находилось. Искать лиходеев на том берегу и глупо, и опасно: дремический князь Держимир никому не дает ступить на свою землю без позволения.

– А что если и нам туда? – Взорец азартно мотнул головой в сторону Истира. – Им, стало быть, к нам можно...

– Помолчи! – перебил его Скоромет. – Еще чего не хватало! Дремичи – все разбойники, от самого князя начиная! Вот им и можно! А нам если – так это целый поход, война настоящая! Это князю решать, не тебе!

Смеяна сидела на зеленом пригорке, пригорюнившись, жалея о промашке княжича. Не вышел их поход, не удалось ей ничего необычного увидеть – враги подвели, сбежали...

Вдруг она вскочила на ноги и смешно дернула носом, принохиваясь. Это у нее вышло настолько по-звериному, что кмети засмеялись, но у многих мазнуло холодом по спине.

– Стойте! – Смеяна замахала руками, ее румяное лицо стало таим серьезным, что даже веснушки побледнели. – Помолчите!

Кмети молчали, выжидающе глядя на нее, а она прислушивалась и принохивалась, быстро вертя головой. Шум леса нес ей непонятное, но тревожное сообщение: где-то рядом была опасность. Смеяна верила своим предчувствиям, но сейчас не знала, как их истолковать. Из леса ощутимо пахло чужими. Но где они, что делают? Из всех сил Смеяна пыталась разобраться в своих ощущениях, отчаянно злилась на свой бестолковый дар. Творя бы со своей чашей быстро разобрался! А она хуже собаки: сама не знает, что такое ей чудится.

– Нет, рано вам уходить! – воскликнула она, быстро оглядывая настороженные лица кметей. – Видно, не ушли они! Я на нашем берегу чужой дух чую!

Руки кметей привычно потянулись к оружию. Преждан обернулся к лесу, шагнул к опушке, и вдруг из-под ветвей с коротким свистом выскочила стрела и ударила его в плечо. Преждан вскрикнул от неожиданности. В воздухе кружилось несколько березовых листочков, сорванных стрелой в полете. Кмети вскинули щиты, закрываясь от новых стрел, выхватили мечи и бросились к опушке. Меж деревьями мелькнуло несколько фигур с личинами вместо лиц, и никто уже не удивился.

– Гром Перунов! – закричали в лесу дремический боевой клич.

– Молот и Чаша! Руби их! – крикнул Светловой и метнулся к ближайшему из лиходеев, с берестяной личиной и козлиными рогами, выкрашенными в красный цвет. В нем вспыхнули вчерашний боевой азарт, негодование, жгучее стремление на сей раз довести дело до конца.

С занесенным для удара мечом Светловой бросился к противнику, но тот отскочил и пропал за деревьями. Одним прыжком Светловой влетел в прохладную тень ветвей, держа щит перед собой, и тут же ощутил сильный удар, чужой клинок звякнул по умбону. Светловой теперь увидел своего врага в нескольких шагах впереди: тот прижался к осине, и его серо-зеленая рубаха почти сливалась со стволом. Только краснеющие рога личины выдавали его, оскаленная пасть, казалось, щерила кривые черные зубы в ухмылке. «В прятки играет?!» – мелькнуло в голове у Светловой, но в это мгновение «оборотень» ловко метнул в него нож, так что княжичу пришлось закрыться. Выглянув из-за щита, он увидел своего врага уже у дальнего дерева.

Вокруг них раздавались выкрики, резко шуршали ветки, звенело оружие, звучали глухие удары железа о щиты и о стволы деревьев. Возле опушки лес оказался не очень густым, между серыми стволами осин и редкими мелкими елочками открывался вид шагов на двадцать в глубину. Но драться здесь было нелегко: лиходеи, одетые в серые, зеленые, коричневые рубахи, выскакивали из-за каждого куста, как лешие, их казалось много, гораздо больше, чем на берегу. Отбиваясь, славенцы углублялись в лес, рубились между деревьями, задевая оружием стволы и ветки. А лиходеи ловко скользили меж стволами, то прятались, то внезапно выскакивали, как настоящая нечисть.

Берег возле опушки почти опустел: здесь остались только семеро пленных дрёмичей, раненый Преждан, Смеяна, двое провожатых Ольховиков да бродили брошенные кметями кони. Смеяна стояла на коленях возле Преждана; ей хотелось скорее бежать в лес следом за Светловым, но она не могла бросить раненого. Ей еще вчера не понравился этот надменный и слишком самоуверенный боярич, но не пропадать же ему теперь! Кривясь не столько от боли, сколько от обиды, кметь прижимал ладонь к ране, из которой все еще торчала стрела. Сгоряча он хотел ее выдернуть, но Смеяна не позволила.

– Клешни убери, полоумный! – непочтительно кричала она, с силой отдирая руку парня от раны. – Не смей! Стрелы с зазубриной, я вчера на берегу видела! Вырвешь мясо, не птицу же Нагай кормить собрался! Помрешь, дурак!

– Пусти! – грубо отвечал Преждан, пытаясь оттолкнуть настырную девку, встать и следовать за товарищами. – Не видишь – мне надо...

– Сиди! – Смеяна уже не шутя толкнула его в плечо, и он сквозь зубы взвыл от боли. – Ведь за первым кустом упадешь! Так со стрелой и побежишь? Дай хоть вытащу!

Боль заставила Преждана опомниться, и он сел на песок. Смеяна рванула его рубаху на плече, осмотрела древко. Стрела вошла глубоко и пробила мягкую часть плеча, не задев кости. И то слава Велесу! Наконечник виднелся с другой стороны.

– Терпи! – сердито приказала Смеяна, обломала древко и потянула за наконечник стрелы.

Преждан резко скривил рот и зашипел. Хмуро сдвинув брови, Смеяна недрогнувшей рукой вытащила стрелу, бросила ее на песок и поспешно зажала рану ладонью. Кровь обильно стекала через ее пальцы и падала на песок.

– Вот, горе мое, навязался... – бормотала Смеяна, невольно подражая бабке Гладине. – Держи!

Отняв ладонь от плеча Преждана, она поспешно задрала подол своей верхней рубахи, выхватила с пояса кметя нож и безжалостно отрезала от подола нижней рубахи длинную полосу. Ох, бабка и тетки не похвалят – так что же, дать ему, лосю безголовому, кровью изойти? Закусив губу, она поспешно перевязывала кметя, бормоча какие-то обрывки заговора.

Вдруг Преждан дернулся, приподнялся, будто хотел встать. Взгляд его был устремлен мимо Смеяны куда-то на реку.

– Ты куда? – возмутилась Смеяна.

Преждан не ответил, но на лице его изобразилось такое изумление, что Смеяна, зажав в зубах конец льняной полосы, обернулась и тоже посмотрела.

Из-за берегового выступа показалась небольшая ладья, весел на шесть. В ней сидели дрёмичи, одетые в такие же серые и зеленые рубахи, но без личин. Преждан попытался встать, привычно шевельнул рукой в поисках оружия, но глухо застонал и осел снова на песок. Ладья ткнулась носом в берег, дрёмичи выскочили и сразу кинулись к пленным. На Смеяну и Преждана они едва глянули. Быстро перерезав веревки, дрёмичи потащили своих к ладье. Один из них поднял руки ко рту и заревел оленем на гону. Весной этот звук казался несвоевременным и диким – как и фигуры ряженных с окровавленным оружием в руках.

Из глубины леса ответил такой же «олень». Дрёмичи расхватили весла, оттолкнули ладью, и она стрелой полетела через широкую реку к другому берегу.

Смеяна обернулась к лесу: шум битвы затих, ветви качались на ветерке, листва тихо шумела. Из-за дерева выглядывало бледное лицо брата Кудрявца, дядька Изнанец не показывался. Все было как всегда: ни людей, ни битвы. Преждан рядом с ней шевельнулся, попытался встать, и Смеяна опомнилась.

– Сиди! – Она удержала его на песке, а сама встала на ноги, приложила руки ко рту и закричала в лес: – Эй! Княжич! Люди добрые!

Никто ей не ответил. Смеяне стало страшновато: уж не перебили ли разбойники всех славенцев?

Ладья с дрёмичами уже вышла на середину реки. Теперь их и стрелой не достанешь. Обмениваясь бессвязными восклицаниями, Смеяна и Кудрявец вертели головами, лицо Преждана было искажено болью и бессильным отчаянием. А из-за берегового выступа выше по течению показалась еще одна ладья, большая. В ней сидело не меньше двух десятков человек, все в тех же серых и зеленых рубахах. Личины они сбросили на грудь, и Смеяна невольно вскрикнула: казалось, что это оборотни с двумя лицами.

Кудрявец вдруг нервно рассмеялся и сел на песок.

– Ты что? – Смеяна с возмущением обернулась к нему. – Может, они самого княжича зарубили, а тебе весело! Пойдем искать скорее!

– А если зарубили, так и надо дураку! – с юным презрением шестнадцати лет ко всякой ошибке отозвался Кудрявец. – Как щенков слепых дрёмичи славенцев обошли! Нарочно на берегу наследили, нарочно в лес заманили, а тем временем своих увезли! Ну, был бы я княжич...

– Ты язык-то придержи! – хрипло рявкнул Преждан.

Кудрявец глянул на княжеского кмета, хмыкнул, но замолчал.

Дядька Изнанец наконец оправился от страха и выбрался из-за коряги, потирая то лоб, то спину.

– Ох, мудр наш отец Варовит! – бормотал он. – Ох и мудр! Лиходеи-то непростые оказались – вернулись-таки за своими! Оставь мы их на огнище – ох, что было бы!

– Да ладно вам! – хмуро воскликнула Смеяна. Она тоже понимала, что княжич отличился сегодня не лучшим образом, ей было обидно и стыдно за него. – Пойдемте-ка в лес покричим. А не то ведь заблудятся...

Кудрявец снова хмыкнул и встал с песка. Изнанец вздохнул, махнул рукой и направился к опушке.

* * *

Первые «ратные подвиги» княжича Светловоя вышли весьма бесславными, и на огнище Ольховиков, где оставались их раненные вчера товарищи, кмети возвращались в понуром молчании. По десять – двенадцать лет их обучали всевозможным воинским искусствам старшие кмети из Велемоговой дружины, отцы и кормильцы. Все они знали – и в первый же раз так опростоволосились! Кмети старались не глядеть друг на друга. Только Взорец, которого в Сла-

вене прозвали С-Гуся-Вода, продолжал поддразнивать Смеяну. Но она, глядя на хмурого Светловой, поскучилась тоже и не отвечала на шутки.

– Что-то я не слышал, чтобы простые лиходеи своих отбивали, да еще у княжеской дружины! – хмурясь, бормотал Скоромет, словно хотел перед кем-то оправдаться. Но он и сам понимал, что князя Велемога это не убедит.

– А ты подумай! – с вызовом ответил Миломир. Ему тоже было стыдно, и он очень сердился на себя, что не сообразил раньше. – Кабы из наших кто в полон попал – ты бы не пошел их вызволять?

– Спрашиваешь! – обиделся Скоромет.

– Вот и думай! Ватага то была или...

– Или что? – спросил Светловой, впервые обернувшись.

– Или дружина! – уверенно ответил Миломир. – И не мне тебе объяснять, в чем разница!

Светловой не ответил. Он и сам отлично знал разницу между случайным сборищем разбойничьей ватаги, в котором у каждого на совести пятно от нарушенных законов рода, и дружиной, которая сама единый род.

На огнище рассказ Изнанца и Кудрявца вызвал переполох. Варовит не раз похвалил себя за предусмотрительность, а Смеяна тем временем перевязывала новых раненых. Светловую не хотелось задерживаться здесь – гордиться нечем. Желая засветло добраться до Лебедина, он сразу после полудня стал прощаться с гостеприимными хозяевами. Кмети во дворе седлали коней, все Ольховики высыпали их провожать. Уже готовясь сесть в седло, Светловой обернулся и поискал глазами Смеяну. Она стояла у дверей беседы, грустная, потухшая, и Светловой помолчал, поглаживая шею коня, чувствуя, что должен сказать ей что-то на прощание, но не находя слов. Весь этот поход сейчас казался ему странным, как сон: и битва, и красавица Белосвета, и эта девушка, простая, но похожая на источник живой воды. Пожалуй, завтра он будет думать, что и она тоже примерещилась. Но нет, она живая. Ее глаза смотрели на Светловую с дружелюбным сочувствием, утешали и подбадривали, и ему было жаль расставаться с ней. А что поделать?

– Хочу тебе спасибо сказать – хорошо ты моих кметей вылечила! – наконец произнес Светловой, пытаясь взглядом досказать ей остальное. – Чем мне тебя отблагодарить?

– Вела и Велес лечат, а я так, помогаю, – ответила Смеяна.

Девушку томила тоска, словно ее увозят из родного дома к чужим людям, навсегда. Отныне родное огнище станет для нее чужим и запустелым, потому что здесь нет княжича Светловоя. Привычная улыбка на ее лице сейчас казалась ненастоящей, она смущенно отводила глаза. Ольховики подталкивали друг друга локтями: такой потерянной еще никто Смеяну не видел. Влюбиться в самого княжича – только она одна на такую глупость и способна!

Но Светловой не замечал, что над ней смеются: он видел одну Смеяну, и на сердце его было тепло и грустно, как будто он надолго прощался с родной сестрой и даже не мог сказать ей, как сильно ее любит.

– Чего хочешь – серебра? – Светловой прикоснулся к кошельку на поясе, сам не веря, что какие-то подарки смогут облегчить ей разлуку. – Или полотна – из Славена пришлю?

– Не надо мне ничего такого... – не глядя на него, отговаривалась Смеяна. Разве можно серебром или полотном заплатить за это странное смятение, грусть и радость, счастье встречи и тягучую тоску расставания?

– Может, хочешь какой-нибудь убор дорогой? Перстней, ожерелий?

– Убор... – повторила Смеяна и вдруг ахнула, вскинула загоревшиеся глаза на Светловоя. – Хочу! Скажи деду, чтобы мой клык отдал! – с внезапным воодушевлением воскликнула она.

– Какой клык? – Светловой с удивлением обернулся к Варовиту.

– А! – Тот с досадой махнул рукой. – От матери ее осталось ожерелье. Да его моя старуха прибрала...

– И прибрала! – поддакнула бабка Гладина. – И прибрала! Куда ей, непутевой? Там янтари дорогие! У меня у самой такого нет! Она в лес пойдет да потеряет!

– Не твоя забота! – горячо возразила Смеяна. Об этом они спорили далеко не в первый раз. – Даже если и потеряю! У меня лес возьмет, мне и назад отдаст! Мое это, а не ваше! Княжич, вели им отдать! Моя мать с ожерельем пришла, а они мне его не отдают!

– Отдайте вы ей, ведь от родной матери память последняя! – сказал Светловой Варовиту. – А хочешь, я тебе из Славена еще лучше пришлю?

– Не надо мне лучше, пусть мое отдадут!

Светловой глянул на старейшину. Хмурясь, тот кивнул старухе. Бормоча что-то под нос, Гладина ушла в избу и скоро вернулась, неся в платке ожерелье. Смеяна почти выхватила платок у нее из рук и торопливо развернула. На тонком ремешке висел ряд ярко-желтых полупрозрачных кусочков янтаря, со звериным зубом в середине. Приглядевшись, Светловой узнал клык рыси. А Смеяна тут же надела ожерелье, и глаза ее засияли ярче янтаря.

– Спасибо тебе, княжич! – разом повеселев, поблагодарила она. В улыбке ее было столько веселья, что Светловой невольно улыбнулся тоже. – Лучшее подарка мне никакой князь не сделал бы! Коли еще с кем биться надумаете – присылайте за мной, я помогу!

– Молчи, бесстыжая! – разом накинулись на нее и Варовит, и Гладина, и еще кто-то из стоявших вокруг родичей. – Язык придержи – накличешь беду!

Заливаясь счастливым смехом, Смеяна прижала руку к ожерелью и бросилась вон из ворот. Когда Светловой с кметями выехали следом, ее уже нигде не было видно. Зажав в кулаке ожерелье, она крепко прижималась к березе, обняв белый мягко-шероховатый ствол. Желтыми глазами лесовицы Смеяна смотрела из гущи ветвей на удаляющуюся дружину; сердце щемило, хотелось заплакать, но она с усилием сдерживала слезы. Плакать не о чем – к ней приходил сам Ярила. Память о нем лежала в сердце теплым комком и шевелилась там, как что-то пушистое и живое, и в этом заключалось такое блаженство, никогда ею прежде не испытанное, что даже со слезами на глазах хотелось улыбаться от радости. Не верилось, что он уехал совсем. Придет время – и он вернется. Ведь Ярила всегда возвращается, каждый год...

А береза качала над ее головой широкими зелеными крыльями, как будто сама богиня Лада ласково гладила по волосам дочь человеческого рода, и в мягком шелесте листвы таилось обещание будущей радости сердцу, которое умеет любить.

Глава 2

За обратную дорогу у Светловой нашлось время опомниться и поразмыслить. Порой ему вспоминалась сияющая розовыми лучами красота Белосветы, но ее черты почти растаяли в памяти, осталось только чистое облако радужного света. Зато хорошо ему помнилось лицо Смеяны, ее вздернутый нос с россыпью веснушек, желтые глаза, то мечущие искры задора, то полные горячего сердечного сочувствия. Он тосковал по обеим сразу и сам себя не понимал. Ни разу за восемнадцать лет жизни ему не приходилось переживать такой бури в душе. Он будто рвался пополам: одна половина стремилась к недостижимой, небывалой, чистой мечте, а вторая тянулась к живому и горячему человеческому счастью, яркий свет которого он видел в глазах Смеяны.

Светловой гнал от себя девичьи образы, и взамен вспоминались глиногорские гости, две битвы с дрёмичами. Хороша пшеничка во поле стояла, а до овина одна солома дошла! Чем больше он вспоминал о произошедшем на реке, тем больше проникался уверенностью, что все это неспроста – и торговые гости явно какие-то странные, и лиходеи напали на них не случайно. И старшину глиногорцев он несомненно где-то видел, и тогда тот вовсе не был купцом. Не стоило упускать смолятичей из виду, но Светловой сообразил это только сейчас. «Видно, крепко меня тот козлиномордый приложил! – с досадой думал он. – Совсем я соображать перестал. Еще и не то примерещилось бы!» Мысли его путались, впечатления мешались. Их было так много, что казалось, он пробыл в походе не пять дней, а целый год.

Нечего было и думать догнать смолятичей, опередивших дружину на целый день, и Светловой увидел знакомые ладьи только у славенской пристани, где останавливались неподалеку от Велесова святилища все торговые караваны. На княжьем дворе Светловой не успел сойти с коня, как навстречу ему выбежала мать. К сорока годам княгиня Жизнеслава постарела, сходство Светлова с ней стало меньше, чем было в детстве, но он по-прежнему любил ее больше всех на свете. Завидев встревоженное лицо матери, княжич бегом бросился на крыльцо.

– Соколик мой! – вскрикнула княгиня, встретив его на середине ступенек и поспешно обняв. – Что с тобой?

Светловой нежно и заботливо взял ее за плечи: теперь он был выше матери и сам мог укрыть ее в объятиях, как она укрывала его в детстве.

Княгиня торопливо обшаривала тревожным взглядом его руки, ноги, лицо, словно проверяла, тот ли к ней вернулся, кто уходил, не случилось ли с сыном чего-то непоправимого. Заметив тонкий белый шрамик над бровью, которого не было раньше, она переменилась в лице и невольно охнула.

– Мне рассказали, что ты ранен, что у тебя вся голова... – начала княгиня и запнулась, не находя подтверждения своим страхам.

– Ах, это! – Светловой все понял и рассмеялся. – Пустяки. Оцарапали только, видишь, уже все зажило. Тебе смолятичи рассказали?

– Да, сам Прочен говорил: «Сын у вас молодец, витязь настоящий!» А у меня сердце не на месте... – Облегченно вздыхая, княгиня приложила руку к сердцу, словно проверяя, на месте ли оно в самом деле. – Целая битва, говорит, была, а ведь Прочен зря не скажет, – продолжала княгиня, но Светловой перебил мать:

– Погоди, матушка. Он здесь, Прочен этот?

– А где же ему быть? – Княгиня удивилась. Она говорила о смолятическом госте как о старом знакомом. – Они не сильно вас опередили, перед полуднем только приплыли. К отцу пошли, он их сперва в гриднице принял, потом Прочена к себе увел. И по сию пору беседуют. И никого к себе не пускают, только Кременя одного позвали.

– Так кто же он такой? – воскликнул Светловой. – Не купец же, в самом деле! Почему отец его так принимает?

– Какой купец? – Княгиня посмотрела на сына с недоумением. – Прочен же это! Ах! – сообразив, воскликнула она. – Ты ведь забыл его! Уж лет пять, как он у нас был в последний раз! Да нет, все шесть будет! А мне и невдомек... Так он тебе купцом сказался?

– Да, да! – Светловой изнывал от нетерпения. – Так кто же он?

– Да он тысяцкий глиногорский, князя Скородума первый воевода. Как же ты его забыл?

Изумленный княжич не сразу ответил. Да, теперь он вспомнил. Когда шесть с лишним лет назад его опоясывали мечом, воевода Прочен приезжал с подарками от смолятического князя Скородума. Конечно, за шесть лет Прочен изменился, да и не мог двенадцатилетний отрок запомнить всех гостей – слишком много впечатлений обрушилось на него тогда. Но теперь понятно, почему лицо смолятича показалось ему знакомым.

– Зачем же он приехал? – помолчав, спросил Светловой у матери. – Уж не война ли у нас какая намечается?

– Сохрани Макошь! Не знаю. – Княгиня покачала головой. – Меня не звали. Знаешь ведь отца – сперва сам решит, а уж после нам скажет. А я боюсь – как бы не война в самом деле.

– Да что ты, матушка! – Светловой обнял княгиню, стараясь говорить бодро и уверенно. – С кем нам воевать? У нас со всеми землями мир... Это я так, не подумавши ляпнул.

– А иначе зачем тысяцкий в такую даль поедет? Что ему, в Глиногоре заняться нечем?

Успокаивая мать, Светловой думал о дрёмических лиходеях. Новость одно прояснила, а другое запутала. Если дрёмичи напали не просто на купцов, а на самого глиногорского тысяцкого – этому уж точно есть причина. И правда, не приведи теперь Перун войны. Хотя напрямую нападение дрёмичей на смолятинского воеводу речевинов не касалось, Светловой не сомневался – отец в стороне не останется. Да и само нападение случилось на речевинских землях.

Князь Велемог не заставил сына долго теряться в догадках и скоро прислал за ним. В горнице с ним сидели Прочен и Кремень. Воспитатель княжича поседел и стал плохо видеть, отчего постоянно шурился и подавался вперед. Прочен был невозмутим, как и тогда, на реке, но по лицу его Светловой сразу понял, что для него приготовлено какое-то значительное известие.

В этом он не ошибся. Вот только само известие оказалось полной противоположностью тому, чего он ожидал.

По усвоенной с детства привычке Светловой не торопился рассказывать о своих делах, тем более что и радости в таком рассказе было бы немного, а ждал, когда отец спросит его сам. А князь Велемог не спешил с расспросами. Похвалив сына за речную битву, князь оглянулся сначала на Прочена, потом на Кременя, потом посмотрел на Светловоя.

– Хоть и горько мне было слышать, что завелись на Истире лиходеи, а все же рад я, что Небесный Воин тебя туда привел, – заговорил князь. – Теперь не надо мне смолятическим гостям рассказывать, что сын мой вырос молодцом, – сами видели. Сами видели, что ты и в возраст, и в разум вошел, женихом стал. И невеста для тебя уже есть.

Светловой сдержал возглас, но брови его сами собой взметнулись вверх. Он не знал, что так бывает, и не сразу смог справиться со своим лицом – оно не слушалось. Какая невеста?

– Князь Скородум дружбу свою нам заново явил, предлагает родством ее скрепить, – продолжал Велемог. – Ему Макошь послала единственную дочь, зато уж она и красотой, и умом, и вежеством десять других девиц за пояс заткнет. Хочет князь Скородум ее за тебя сосватать. И я с кормильцем твоим рассудил – лучше нее и желать нечего. Славная будет тебе жена, а речевинам княгиня.

– Да куда же спешить? – обеспокоенно подала голос княгиня Жизнеслава, потрясенная не меньше сына. – Всего-то восемнадцать нашему соколику, а Дароване уж двадцать лет, не меньше!

Княгиня нечасто решалась возражать мужу, но сейчас волнение придало ей смелости. Она мечтала женить сына на одной из славенских боярышень, которые выросли у нее на глазах, самой выбрать такую, которая сделает Светловую счастливым. А тут и выбора никакого не остается – принимай в дом княжну, которую никогда не видели, отдавай своего соколика ненаглядного неведомо кому! Сваты всегда хвалят невесту. Красоту ее и искусство в рукоделии можно проверить, но в душу к ней не заглянешь.

Но князь Велемог принял решение, и не жене было заставить его передумать. Он бросил на нее лишь один взгляд, и княгиня тут же смешалась и замолчала.

– Ничего, – подал голос Кремень. – Двадцать – не сорок. Нашему молодцу пора жениться, а княжна глиногорская как раз ему под стать. Не ровен час – пойдет Держимир дрёмический на нас воевать, вот мы со смолятичами его единым строем встретим, как братья родные!

Князь Велемог одобрительно кивнул. Княгиня Жизнеслава побледнела, задышала чаще, прижала стиснутый кулак к груди. И сватовство, и война, все сразу – для нее это слишком много.

– Княжна Дарована – красавица редкая! – продолжал Прочен, и даже на его невозмутимом лице мелькнул легкий проблеск оживления. – Среди говорлинских княжон такой не бывало давно. Только княгиня Добровзора, Гордеслава дочь...

– О ней нечего вспоминать – она уже бабушка! – прервал его Велемог.

Княгиня Жизнеслава чуть изменилась в лице и опустила глаза. Двадцать пять лет назад князь Велемог сватался к чуроборской княжне Добровзоре Гордеславне и только после ее отказа взял в жены Жизнеславу. А Добровзора, всем известно, потом родила оборотня с волчьей головой. Вот и ищи в жены красавицу!

– А сейчас красивее Дарованы нет на Истире никого! – уверенно продолжал Прочен. – За княжну Даровану сватались многие. Даже Держимир дрёмический сватался за нее. Дважды! – многозначительно отчеканил смолятич.

Княгиня Жизнеслава удивленно покачала головой. Только Светловой не понял, что повторное сватовство гордеца Держимира значит больше, чем восхваления целого полка свах.

– Вот я и подумывал между делом, княже, – продолжал Прочен, снова обращаясь к Велемогу. – Не Держимир ли нас на Истире поджидал?

– Так ведь у нас есть пленные? – Князь посмотрел на сына. – Что ваши оборотни речные рассказывают?

Светловой опустил глаза. Но теперь князь ждал его ответа, и спрятаться от позора было некуда.

– Нет у меня пленных, – как в холодную воду бросаясь, ответил Светловой. – Потерял.

– Как – потерял? – Кремень даже усмехнулся, не понимая. – По дороге, что ли, оборонил? Лукошко дырявое было?

– Как – потерял? – совсем другим голосом повторил князь Велемог. Он видел, что сын вовсе не шутит.

С трудом подбирая слова и стараясь ни на кого не глядеть, Светловой начал рассказывать. Никто больше не улыбался; князь, княгиня, оба воеводы ловили каждое его слово.

– Не знали вы Держимира... – многозначительно протянул Прочен. Его голубые глаза заблестели, он словно сам присутствовал там, на берегу Истира, и видел все то, о чем рассказывал Светловой. Многие из этого рассказа было ему знакомо по опыту прошлых лет, и даже в пересказе он понимал гораздо больше неопытного участника событий. – Теперь будете знать!

– Там был Держимир? – воскликнула княгиня, задним числом испугавшись, что ее сын встретался с этим страшным человеком.

– Ну-ка, расскажи получше, кто у них старшим был? – потребовал Кремень.

– Под козлиной мордой прятался, – не поднимая глаз, ответил Светловой. Ему ясно вспомнился широкоплечий и рослый вожак разбойников, краем щита разбивший ему лоб. – Ревел, как лось на гону.

Оба воеводы переглянулись.

– А лет-то ему сколько? – спросил Кремень.

– Под личиной не разглядел.

– А так не догадался? – с едкой насмешкой осведомился Прочен, сощутив глаза.

– Ну, как вам. Лет сорок – пятьдесят, – решил определить Светловой. – Сильный, но не сказать чтобы молодой.

– Нет, это Озвень, – решил Кремень. – Держимир-то лет на десять тебя постарше...

– На одиннадцать, – жестко уточнил князь Велемог. Все это время он молчал, но буравил сына таким взглядом, что княгиня себя не помнила от тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.